

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Trish

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск IX

Воспоминания о Л. Н. Беловой

Санкт-Петербург
2004

ISBN 5-902671-03-5

Издание подготовлено издательским отделом ГМИСПб

Составители:

М. Д. Яковлева (директор Санкт-Петербургского музея хлеба),
И. М. Карусева (ученый секретарь ГМИСПб)

Настоящий сборник продолжает музейные издания. Он посвящен Л. Н. Беловой, директору Государственного музея истории Ленинграда в 1954–1987 гг., в связи с ее 80-летием. В сборнике собраны воспоминания людей, работавших с Беловой и хорошо знавших ее.

Публикуемые материалы представляют интерес для музейных работников, для всех, кто не равнодушен к истории культуры Ленинграда, в которую Л. Н. Белова внесла, несомненно, свой вклад.

ISBN 5-902671-03-5

© Государственный музей истории
Санкт-Петербурга, 2004

От составителей

23 июля 2004 года Людмиле Николаевне Беловой, заслуженному работнику культуры РСФСР, директору Музея истории Ленинграда с 1954 по 1987 год, исполнилось бы 80 лет. К этой дате приурочен сборник «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» (выпуск 9). Предлагаемый сборник целиком состоит из воспоминаний о ней. Государственный музей истории Санкт-Петербурга впервые предпринимает такое издание. В 1994 году памяти Беловой были посвящены «Краеведческие записки. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница» (выпуск 2).

Значение Людмилы Николаевны Беловой в музейной жизни Ленинграда 1950–1980-х годов трудно переоценить. Без ее участия не мыслилось открытие ни одного нового музея или выставки в нашем городе. У нее учились, с ней советовались, к ней прислушивались. Деятельность Людмилы Николаевны не ограничивалась только музейной жизнью: она была членом Совета музеев истории и археологии ИКОМ ЮНЕСКО, членом Градостроительного совета Ленинграда, членом топонимической комиссии Исполкома Ленсовета и т. д. Ее неоднократно избирали в Городской совет депутатов трудящихся. Л. Н. Белова стала лауреатом Государственной премии РСФСР, а затем была удостоена высшей награды страны — ордена Ленина. Имя Беловой занесено в Книгу Почета Министерства культуры СССР.

Мы искренне благодарны всем, кто откликнулся на наше предложение поделиться своими воспоминаниями об этом ярком и сильном человеке. Здесь представлены воспоминания людей, работавших с Людмилой Николаевной в разные периоды ее трудовой деятельности. Каждый автор внес свою частичку в создание образа необыкновенной личности, ставшей целой эпохой в культурной жизни Ленинграда.

К читателям

С именем Людмилы Николаевны Беловой связана целая эпоха в истории нашего Музея. Энергичный и целеустремленный человек, принципиальный руководитель, талантливый ученый, профессионал в области музейного дела — Людмила Николаевна смогла поднять и возродить Музей истории Ленинграда в сложное послевоенное время. Более 30 лет, с 1954 года, она была его бессменным директором. Под ее руководством городской музей, размещавшийся в особняке Румянцева, вырос в многопрофильный музейный комплекс, включавший многочисленные филиалы. Важнейшим достижением Л. Н. Беловой была передача Музею ряда зданий Петропавловской крепости. Музей приобрел новый общественный статус и значимость. Основы собирательской, экспозиционно-выставочной, просветительской работы, заложенные за годы ее пребывания на директорском посту, являются отправной точкой в развитии современного Музея истории Санкт-Петербурга. Сегодня мы с огромным уважением и благодарностью вспоминаем Людмилу Николаевну Белову.

Директор ГМИСПб

Б. С. Аракчеев

Н. Г. Елисеева

Светлой памяти Людмилы Николаевны Беловой

Людмилу Николаевну Белову я знала по работе как директора Музея истории Ленинграда, члена различных общественных комиссий и просто как человека, известного и уважаемого в Ленинграде.

С именем Л. Н. Беловой связаны музеефикация Петропавловской крепости и Шлиссельбургской крепости «Орешек», создание экспозиции «Ленинград в годы войны и блокады», открытие Монумента героическим защитникам Ленинграда, Музея-квартиры А. Блока, воссоздание Музея обороны Ленинграда. Людмила Николаевна обладала глубокими знаниями по истории и культуре Ленинграда. Она всегда могла предложить целый ряд проектов, которые, по ее мнению, обязательно следовало реализовать. В экспозициях Музея истории Ленинграда всегда находили отражение любовь к городу и гордость за его героическое прошлое и настоящее.

Людмила Николаевна была прекрасным организатором большого коллектива специалистов-музейщиков. Умело работала с кадрами, была требовательной, но справедливой. Человек очень доброй души, она поощряла любое творческое начинание и редко наказывала сотрудников. Неоднократно мне приходилось пользоваться добротой Людмилы Николаевны и ее умением воспитывать кадры и профессионально и нравственно. Мне иногда приходилось просить ее принять на работу в музей молодых, порой сложных людей, и она всегда действовала по принципу: «если не мы, то кто же?» Так начинал свою карьеру не один ныне здравствующий музейный специалист.

Еще одна черта руководителя Беловой запомнилась мне. Помню, с какой настойчивостью и убедительностью, уважением и любовью к людям Людмила Николаевна доказывала необходимость поощрения того или иного работника, оказания помощи сотрудникам музея в решении жилищных проблем, повышения заработной платы и добивалась положительных решений.

Думаю, те, кто работал с Людмилой Николаевной, не забудут ее трепетного отношения к сбору музейных материалов и их сохранности.

Вот такой осталась в моей памяти Людмила Николаевна Белова, прекрасный руководитель, музейщик высокого уровня, бескорыстный, честный, добрый человек, патриот.

Светлая ей память.

В. И. Демидова, Г. Ф. Урусова*

Три десятилетия на директорском посту

В октябрьские дни Государственный музей истории Санкт-Петербурга празднует свое рождение. Немногие городские музеи России сегодня могут сравниться с ним по богатству и значимости коллекций, по именам деятелей науки и культуры, стоявших у его истоков, а также по трагичности судьбы.

Музей неоднократно переименовывали, меняли адрес, передавая от одного ведомства другому. Сколько искалеченных человеческих судеб, утраченных ценнейших коллекций, составлявших гордость отечественной культуры! Все это длилось на протяжении первых десятилетий его существования.

Весна 1953 года, ставшая переломной в жизни страны, изменила и судьбу музея. Решением Ленгорисполкома он был переименован в Государственный музей истории Ленинграда и сохранил это название (с некоторыми уточнениями) до настоящего времени.

В апреле 1954 года директором Государственного музея истории Ленинграда (ГМИЛ) была назначена Людмила Николаевна Белова (1924–1993), которой к этому времени было всего 29 лет. Несмотря на молодость, за ее плечами уже была работа в Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры и в Центральном хранилище музейных фондов пригородных дворцов-музеев, которое она возглавляла с 1952 года до назначения на новую должность. Белова руководила музеем более трех

© В. И. Демидова, Г. Ф. Урусова

* Статья опубликована: Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1997. Вып. II. С. 63–69.

десятилетий, и, естественно, до сих пор в нем очень многое напоминает о ней — человеке, своей энергией и волей фактически создавшем крупнейшую научно-просветительную организацию, центр изучения и пропаганды исторического наследия Петербурга.

В одно время с Беловой в музей пришли молодые и энергичные сотрудники: Т. И. Авраамова, Н. Б. Алексеева, А. И. Барабанова, Л. А. Бориско, Т. П. Кулешова, А. М. Никитин, А. М. Павелкина, М. Н. Петрова, А. В. Повелихина, Н. А. Рыжов, Р. А. Сомина, Р. И. Шпиллер, Е. Н. Элькин и другие. Этому коллективу было суждено не только возродить музей, открыв в октябре 1955 года в особняке Румянцева (Английская наб., 44) первую в послевоенное время экспозицию по истории города, но и доказать, что ГМИЛ может встать в один ряд с крупнейшими музеями Ленинграда и страны.

Для нас, начинающих историков, пришедших в музей в 1970—1980-е годы, Л. Н. Белова и ее коллеги были легендарными личностями, а музей, созданный ими, монументальным творением. Мы испытывали чувство гордости от того, что работаем в этом замечательном музее, рядом с такими людьми.

В середине 1970-х годов центр жизни музея переместился в Петропавловскую крепость — место, с которого началась история города на Неве. Но перед этим прошло 20 очень нелегких лет...

Если перебрать документы прошлого, то перед нами, как в калейдоскопе, замелькают названия новых музейных объектов и экспозиций, открытых в те годы. Не перестаешь удивляться энергии и самоотверженности людей, работавших тогда.

2 августа 1954 года в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР музею на правах филиала был передан комплекс зданий Петропавловской крепости: Петропавловский собор, Великокняжеская усыпальница, Ботный дом, Трубецкой и Зотов бастионы. В 1956 году начались реставрационные работы в соборе, закончившиеся в 1957.

Одновременно сотрудники ГМИЛа приступили к созданию новых музейно-выставочных объектов. Так, на территории Петропавловской крепости, в Ботном доме, в 1959 году была открыта экспозиция «Основание Русского Флота», а 9 мая 1960-го — в двух павильонах Пискаревского мемориального кладбища выставка, посвященная героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

В тот же период Исполком Ленгорсовета принял решение «О превращении Петропавловской крепости в заповедник с передачей музею зданий и сооружений Петропавловской крепости». Однако его не выполнили из-за отсутствия средств в городском бюджете, и проблема оставалась нерешенной в течение долгих лет.

В 1963 году Указом Совета Министров РСФСР, Министерства культуры РСФСР и распоряжением Исполкома Ленгорсовета музею на правах филиала был передан Исаакиевский собор. 26 января 1964 года к 20-летию снятия блокады в 12 залах Румянцевского особняка была открыта экспозиция «Ленинград в период Великой Отечественной войны», а чуть позже, в ноябре, — музеефицирована тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В 1965 году совместным решением Исполкома Ленгорсовета и Леноблсовета памятник архитектуры — ансамбль крепости Орешек — был переведен с баланса АПУ Леноблисполкома на баланс Управления культуры Ленгорисполкома, а затем решением Исполкома Ленгорсовета передан ГМИЛу. Немногие теперь помнят о решении Исполкома Ленгорсовета «О создании историко-бытового музея в Меншиковском дворце», а ведь именно сотрудники ГМИЛа начали работу по подготовке методического задания на реставрацию памятника. Список можно продолжить, но и без того очевидно, что создание такого количества музейных объектов и экспозиций, многочисленных выставок в городе и за рубежом свидетельствует о большой надежде и столь же большой ответственности, которую возлагали городские власти на музей.

9 января 1970 года Исполком Ленгорсовета принял решение «Об организации в Иоанновском равелине Петропавловской крепости музея по космической технике» («Музей Газодинамической лаборатории»), а в 1972 — «О ремонтных и восстановительных работах в Смольном соборе». Если экспозиция в Петропавловской крепости вписывалась в программу ее музеефикации и основывалась на исторических данных, то решение о создании выставки «Ленинград вчера, сегодня и завтра» в Смольном соборе приводило историков в уныние. Ясно было, что выдающийся памятник культовой архитектуры XVIII века и идеологическая экспозиция не могли быть объединены в целостный музейный организм.

Однако в те годы вопросы, где быть музею и какую тему раскрывать, решали не специалисты, а партийное руководство. Здесь можно было бы упрекнуть Людмилу Николаевну в отсут-

ствии твердости в отстаивании музейных позиций и принципов. Но главный принцип был заложен в названии музея: история города. Историю надо было не только изучать и пропагандировать, но и сохранять. Смольный собор, который долгие годы использовался под складские помещения, относился к числу погибавших памятников. Создание музейной экспозиции, пусть даже тематически не соответствовавшей ему, было единственным шансом спасти собор. И в том, что сегодня в этом замечательном творении Растрелли — концертный зал, пользующийся популярностью у петербуржцев и гостей города, заслуга Людмилы Николаевны и ее коллег, сумевших сохранить собор для города.

Иначе решались проблемы музея «В. И. Ленин и газета “Правда”» (теперь «Музей печати») на набережной реки Мойки, 32, и Пантелеймоновской церкви (ныне возвращена церкви). Здесь, после тщательного и углубленного изучения архивных документов, темы экспозиций органически вырастали из самой истории зданий. Крупной победой коллектива музея было открытие к 100-летию со дня рождения поэта Музея-квартиры А. А. Блока на улице Декабристов, 57. В настоящее время этот музей обладает одной из лучших литературных экспозиций в Петербурге. За эти годы он стал крупным центром изучения жизни и творчества поэта.

За Людмилой Николаевной и ее коллективом укрепились репутация музейных «палочек-выручалочек». Сложилось мнение, и вполне оправданное, что они могут создать любой музей, на любом объекте, будь то заброшенный памятник архитектуры или новое монументальное сооружение, такое, например, как Мону-мент героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны на площади Победы. За эту работу в 1979 году Л. Н. Белова и старший научный сотрудник музея А. М. Гондельсман, наравне с авторами проекта архитекторами С. Б. Сперанским и В. А. Каменским, скульптором М. К. Аникушиным, были удостоены Государственной премии РСФСР.

За годы работы Людмилы Николаевны в музее появилось много новых филиалов, в каждый из которых была вложена частица ее души. За 20 лет площадь музея выросла с 5233 до 34 970 кв. метров, а экспозиции увеличились более чем в 17 раз. За исключением Шлиссельбургской крепости, музей, как правило, брал под свою опеку только городские объекты, но с 1976 года стали появляться филиалы и в пригородах. Так, Исполком Ленгорсовета учредил «Музей истории города Ломоносова», в 1980 вышло решение «О приспособлении здания бывшей православной церк-

ви в городе Зеленогорске под музей». В церкви, освященной во имя иконы Казанской Божией Матери, предполагалось организовать Музей курортной зоны Ленинграда (ныне здание передано церкви). Затем последовало решение о передаче ГМИЛу уже существовавшего на общественных началах Музея истории города Пушкина. Сейчас Ломоносовский и Пушкинский краеведческие музеи стали самостоятельными, но «путевку в жизнь» они получили, находясь в составе Музея истории Ленинграда.

Дирекция Государственного музея истории Ленинграда много лет располагалась на набережной Красного Флота (ныне Английской), 44. Здесь же размещались фонды и отделы. Однако в конце 1960 — начале 1970-х годов численный состав сотрудников и коллекции фондов «переросли» объемы Румянцевского особняка, возникла необходимость переезда в более крупный по площади музейный комплекс — Петропавловскую крепость.

В это время большая часть зданий крепости была занята коммунальными квартирами, а куртины и бастионы использовались под склады. Потребовалось много сил и энергии, чтобы превратить жилые помещения в экспозиционные залы, а склады — в фондохранилище. Началась интенсивная музеефикация объектов, одна за другой открывались экспозиции «История архитектуры Петербурга–Петрограда XVIII — начала XX века» (1971), «История космонавтики и ракетостроения» (1973), «История Петербурга–Петрограда. 1703–1917» (1975), «История Монетного Двора» (1984) и т. д. Без преувеличения можно сказать, что каждая из них была новым словом в музейном деле.

За успехами пришло и признание. В 1974 году приказом Министерства культуры РСФСР музей был объявлен научно-методическим центром по теории и практике музейного дела. Об авторитете музея и лично его директора свидетельствуют и те факты, что в 1965 году Людмиле Николаевне было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», с 1967 года она неоднократно избиралась депутатом городского Совета, долгие годы была членом Совета музеев истории и археологии ИКОМ ЮНЕСКО, а в 1986 году Л. Н. Белова была награждена орденом Ленина и ее имя было занесено в Книгу Почета Министерства культуры СССР.

Однако нельзя сказать, что деятельность директора состояла исключительно из многочисленных побед и свершений. Беловой приходилось действовать крайне осмотрительно, за малейшее нарушение распоряжений, исходивших от вышестоящих идеологических структур, ее могли снять с работы. По должнос-

ти выполняя предписания партийных органов, по необходимости считаясь с цензурными требованиями, она умудрялась отстаивать экспозиции и выставки, основанные на исторических документах, а не только на конъюнктурных политических догмах. Можно назвать своеобразным музейным подвигом открытие экспозиции «Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 годов» (1984) в бывшей квартире зрителя тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Долгие годы эта тема была закрыта не только для музейного показа, но и для изучения. Эсеры — участники боевых террористических отрядов плохо вписывались в идеологически выверенный ряд «героев революционного движения». Вместе с тем выставка была итогом многолетней научно-исследовательской работы музейных сотрудников, а решительность, проявленная Беловой, позволила появиться этой экспозиции на свет. Таких примеров можно назвать не один десяток.

Не всем планам Людмилы Николаевны суждено было свершиться. Не созданы Заповедная зона в квартале 100, Музей декабристов, салон в доме архитектора А. И. Штакеншнейдера и многое другое, над чем работал коллектив под ее руководством. За последние 10 лет резко изменились условия деятельности музея. Однако и в настоящее время музей остается верен лучшим традициям, сформировавшимся в те годы, когда его директором была Белова. Успехом увенчались многолетние усилия музейных работников: решением Правительства Российской Федерации Петропавловская крепость получила статус музея-заповедника и официально была признана главным объектом Государственного музея истории Санкт-Петербурга. На территории крепости и других объектах продолжаются реставрационные работы, обновляются экспозиции, создаются выставки. Наложена систематическая издательская работа, позволившая расширить участие музея в культурной жизни города.

Читая эти заметки, наши коллеги, возможно, упрекнут нас в том, что мы не упомянули о многих важных событиях и значительных лицах. Однако нашей задачей не было написание исчерпывающей летописи жизни музея за последние десятилетия. Нам просто хотелось вспомнить прекрасного человека, крупного деятеля культуры, стоявшего у истоков современного Музея истории Санкт-Петербурга, — Людмилу Николаевну Белову, рассказать о том нелегком деле, которому она и ее сотрудники отдали свое сердце, талант и силы.

О. А. Чеканова

Воспоминания о Л. Н. Беловой

Людмила Николаевна по призванию была настоящим музейщиком. Музейное строительство стало главным делом всей ее жизни. Она пришла в музей в 1954 году, и перед ней встала задача создания музея, который отобразил бы историю такого города, как Петербург—Ленинград. Для этого нужны были большие экспозиционные площади и серьезное пополнение музейных фондов, а также создание полноценной научной базы. Роль Л. Н. Беловой в истории послевоенного развития музея может быть сопоставлена с заслугами Л. А. Ильина — директора бывшего Музея Города, с самого начала своей работы определившего роль и перспективы музея. Второй раз в истории Музея решать задачу дальнейшего его развития пришлось Людмиле Николаевне, которая в новых условиях сумела продолжить начатое в 1920-е годы.

Начало ее деятельности в качестве директора совпало с передачей музею Петропавловской крепости, часть которой — Петропавловский собор, Великокняжеская усыпальница и тюрьма Трубецкого бастиона — до этого времени принадлежала Музею Революции. Под руководством Людмилы Николаевны началась огромная работа по изучению истории крепости, расселению жильцов и организаций, занимавших исторические здания, а также реставрация помещений для создания будущих экспозиций. Были отреставрированы стены и бастионы, благоустроена территория. Большой объем работ был выполнен в Петропавловском соборе: восстанавливалось его первоначальное убранство — роспись стен, живописные произведения, иконы, реставрировался и сам иконостас.

Начался процесс подготовки обновленной и расширенной исторической экспозиции теперь уже не в Румянцевском особняке, где размещалась небольшая выставка по истории Петербурга—Петрограда—Ленинграда, а в Комендантском доме Петропавловской крепости.

В декабре 1975 года, в канун 150-летия со дня восстания декабристов, открылась экспозиция «История Петербурга—Петрограда 1703—1917 гг.». При ее подготовке музей выступил с принципиально новой научной концепцией и предложил новое художественное решение. Впервые в музейной практике были преодолены традиционная, устоявшаяся система подхода к использованию экспозиционного пространства и академический способ экспонирования материала. Новшеством стали тематические комплексы из отдельных предметов и включение их в создаваемую художником архитектурно-художественную среду. Таким образом, поиски новых путей, воплощавших научные замыслы, привели к изменению понимания роли художника в процессе работы над экспозицией. Художник становился соавтором научного сотрудника, и его главная задача состояла в создании экспозиции как цельного художественного произведения.

По этому пути с конца 1960-х и до начала 1990-х годов пошли музеи многих городов страны, а Музей истории Ленинграда с 1974 года официально стал научно-методическим центром по теории и практике музейного строительства и обмену опытом музейной работы по многим направлениям.

1960—1970-е годы были для Музея временем наибольшей активности с точки зрения создания ряда экспозиций и появления новых филиалов. В 1964 году к двадцатилетию снятия блокады Ленинграда в Румянцевском особняке открылась экспозиция на тему: «Ленинград в период Великой Отечественной войны», а в ноябре того же года была музеефицирована тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В 1965 году решением Исполкома Ленгорсовета Музею был передан на правах филиала архитектурно-исторический памятник — крепость Орешек. Еще один филиал под названием «В. И. Ленин и газета “Правда”» (ныне Музей печати) разместились в квартире на набережной реки Мойки, 32. В 1980 году к 100-летию со дня рождения А. А. Блока была музеефицирована его последняя квартира на улице Декабристов, 57. В настоящее время этот музей привлекает одной из лучших литературных экспозиций в Петербурге. За эти годы он стал крупным центром изучения жизни и творчества поэта.

Непосредственное участие Музей истории Ленинграда принимал в создании нового памятника, установленного на площади Победы, — Монумента героическим защитникам Ленинграда, отстоявшим город в годы Великой Отечественной войны. За эту работу авторский коллектив в составе архитекторов С. Б. Сперанского, В. А. Каменского, скульптора М. К. Аникушина, директора Музея Л. Н. Беловой и заведующего военно-историческим сектором Музея А. М. Гондельсмана был удостоен Государственной премии РСФСР.

Таков далеко не полный перечень того, что было сделано музеем за последние двадцать лет, предшествовавших переменам в стране и одновременно в музейном деле.

Являясь наследником Музея Старого Петербурга и Музея Города, Музей истории Ленинграда продолжал и развивал многие традиции, сложившиеся еще в начале XX века. Так, начавшаяся в 1920-е годы работа, направленная на сохранение и защиту от разрушения дворцов и особняков, исторических памятников и объектов ландшафтной среды, а также архитектурных деталей и элементов художественного убранства зданий, в 1960-е годы получила продолжение. Активное проведение капитального ремонта зданий в центральной части города грозило уничтожением художественного убранства интерьеров и утратой не только элементов оформления фасадов, но и уничтожением отдельных зданий. Поэтому музей включился в процесс охраны этих зданий и занялся пополнением фонда архитектурных деталей, который был заложен еще Музеем Старого Петербурга. Эта работа велась не только с целью сохранения, но и последующего экспонирования наиболее интересных фрагментов в готовившейся в конце 1960 — начале 1970-х годов экспозиции «Архитектура Петербурга—Петрограда XVIII — начала XX века».

Открытая в 1971 году в Инженерном доме Петропавловской крепости, она стала новым словом в деле музейного строительства. Впервые в большом объеме были представлены материалы из уникальной коллекции архитектурной графики, поступившие преимущественно из Музея Старого Петербурга, именно они составили ядро экспозиции, целиком посвященной архитектуре города. Основным принципом организации экспозиции стал всесторонний показ целостного городского организма на разных этапах его развития. Впервые был широко представлен прежде никогда не экспонировавшийся материал, касавшийся архитектуры Петербурга капиталистического периода,

включая этапы стилизаторства, эклектики и модерна. До создания этой экспозиции показ архитектуры города ограничивался периодом классицизма, а последующие этапы объявлялись временем упадка.

В 1973 году в помещении Иоанновского рavelина Петропавловской крепости была открыта мемориальная экспозиция «К истории советского ракетостроения». Она расположилась в помещениях, где в 1932–1933 годах находилась опытно-конструкторская мастерская по разработке ракетных двигателей — газодинамическая лаборатория. Здесь работали ученые, инженеры — последователи К. Э. Циолковского, здесь закладывались основы отечественного ракетостроения. Все это обусловило включение в экспозицию части помещений мемориального характера.

Создание новых экспозиций в Петропавловской крепости и присоединение новых филиалов превращало Музей истории Ленинграда в большой музейный комплекс, в состав которого входили городские и загородные объекты. Со временем некоторые филиалы становились самостоятельными (Музей истории города Ломоносова, Музей истории города Пушкина, Смольный собор).

Тенденция музейного строительства, так широко проводившаяся в период работы Людмилы Николаевны Беловой, и сегодня имеет свое продолжение.

Т. П. Кулешова

Вместе с Л. Н. Беловой

Я познакомилась с Л. Н. Беловой, когда начала работать в Городском экскурсионном бюро и водить экскурсии по первой стационарной экспозиции в Особняке Румянцева. Она была посвящена истории города и создана в течение года, после того как в 1954 году директором Музея истории и развития Ленинграда (так в те годы назывался наш музей) была назначена Людмила Николаевна. Эта женщина сразу меня покорила своей эрудицией, увлеченностью работой, любовью к городу.

Это был период, когда музеи города не имели своих штатных экскурсоводов и экскурсионное обслуживание шло через Городское экскурсионное бюро. Штатных экскурсоводов музей получил только в 1960 году. Вот тогда, по приглашению Людмилы Николаевны, я и стала штатным сотрудником музея и не расстаюсь с ним по сей день.

В 1960-х годах много было интересного в жизни музея. С каждым годом он преобразовывался, расширялся, появлялись филиалы и новые экспозиции. В этот же период фонды музея переехали из Особняка Румянцева в Петропавловскую крепость. Людмила Николаевна вникала в работу каждого отдела музея, каждого сотрудника, помогала советом и делом. Именно в это время она предложила мне перейти с экскурсионной работы на хранительскую. Я долго колебалась, но Людмила Николаевна обладала таким даром убеждения, что я согласилась и стала хранителем фонда советского периода, в котором были представлены все виды музейных предметов. Для меня это был непростой

этап в жизни. Работы в фонде было очень много, а сотрудников очень мало. Надо было завершать инвентаризацию фондов после возвращения их из эвакуации, получать и обрабатывать новые экспонаты, создавать картотеки, обслуживать научных сотрудников и посетителей, осваивать новые помещения.

Людмила Николаевна сама стремилась вникнуть в работу сотрудников отдела, где-то могла пожурить, где-то поддержать, встряхнуть, так как иногда опускались руки и хотелось вернуться в экскурсионный отдел. А когда я смотрела на ее энергию, самоотдачу, то становилось неловко за себя, и снова бралась за свои дела с каким-то чувством обновления.

Со временам моя работа в фонде наладилась, вошла в свой ритм, но через восемь лет, уже в 1970-х годах, Людмила Николаевна вызвала меня к себе и предложила возглавить методическую часть научно-просветительского отдела.

Людмила Николаевна была требовательным руководителем и в то же время отзывчивым и душевным человеком и не раз меня выручала в жизни, за что я всегда буду ей признательна.

Б. И. Назарцев

Уроки мастера

*Горацио: Его я помню,
Истый был король.
Гамлет: Он человек был,
Человек во всем,
Ему подобных мне уже не встретить.*

У. Шекспир. «Гамлет».
(Перевод М. Лозинского)

В октябре 1985 года мне предложили перейти на работу из Русского музея в Главное управление культуры Исполкома Ленсовета и возглавить управление культурно-просветительных учреждений и изобразительного искусства, в сферу ведения которого входили музеи городского подчинения. Тогда же состоялось знакомство с Людмилой Николаевной Беловой. Безупречная корректность по отношению к хоть маленькому, но «начальству» и испытующий взгляд: «Кто таков?» Вполне понятно, с одной стороны — мэтр, руководитель крупнейшего музея города, авторитет которого признан всеми, с другой — неопытный чиновник средней руки, слава богу, хотя бы имеющий представление о музейном деле.

И вот первый урок, который предстояло усвоить и который так помог в дальнейшем. Оппозиция «с одной стороны — с другой стороны» встречается не только в грамматических конструкциях, но и в жизни. В системе отношений с музеем и его руко-

водителем могло быть все: споры, разногласия, несовпадение позиций. Не должно быть и, надеюсь, не было только одного — позиции стороннего наблюдателя.

Отношение к делу проверялось делом же.

Конец 1980-х годов отмечен оживленной дискуссией в профессиональной среде, на страницах специальных журналов об опыте и перспективах деятельности объединенных музеев-заповедников России, о достоинствах и недостатках централизации и децентрализации в этой сфере. Тематика дискуссии была продиктована самой жизнью. Проблемы музеев-заповедников во многом своеобразны. Включая в себя явления, с которыми сталкивается любой музей, они обладают и многими специфическими особенностями, связанными с деятельностью крупной организации, объединяющей разнообразные подразделения, экспозиции, памятники, филиалы, чаще всего разобщенные территориально.

Опыт Музея истории Ленинграда был чрезвычайно важен, хотя мог служить — и служил — объектом острой критики. Аргументы приводились разные: от упреков в гигантомании до нарушения «чистоты жанра» при определении профиля новых музейных объектов. Однако многое объясняла принципиальная позиция Людмилы Николаевны. Умение отстаивать свою принципиальную позицию — это второй урок, вынесенный из общения с ней. В дальнейшем было еще много уроков, было чему учиться у этого незаурядного человека.

В истории города для нее не существовало мелочей, и главное дело, которому она служила, — сберечь, сохранить, прийти на помощь, дать новую жизнь тому, что так казенно именуется движимыми и недвижимыми памятниками истории и культуры. И отнюдь не директорские амбиции были причиной того, что все новые объекты включались в состав музея. По-разному складывались в дальнейшем их судьбы: филиалы в городах Пушкине и Ломоносове обрели самостоятельность и стали муниципальными музеями, ушли из сферы влияния ГМИЛ церковь в Зеленогорске и Гангутский мемориал. Остались нереализованными какие-то планы, например, создание музея декабристов. Но это позже, а пока директор и коллектив музея выполняли тяжелую и во многом неблагодарную работу по музеефикации того, что удавалось отстоять. Это было не просто. Не стоит забывать и об идеологическом прессинге. Райком, горком, обком КПСС — управление культуры, исполкомы всех уровней. И надо было

убеждать, доказывать, просить, что не без успеха удавалось Людмиле Николаевне.

Совещания и «летучки» в кабинете директора Музея напоминали оперативные совещания в производственном штабе «горящей» стройки или завода, находящегося в прорыве. Впрочем, это типичная картина: большинство проблем лежало в сфере финансовой, материально-технической, снабженческой... Один из кабинетов Управления культуры на Невском проспекте, 40: идет защита бюджета на предстоящий год, и, в соответствии с графиком, отстаивают интересы своих организаций руководители музеев, библиотек, парков культуры и отдыха, других учреждений культуры. Действие рутинное, как давно идущая пьеса, где всем участникам все известно заранее. «Будем просить больше, все равно не дадут даже минимума», — размышляют одни. «Просите хоть по минимуму, все равно не дадим», — думают другие. Всплески импровизации, заклинания о неминуемой гибели культуры — все привычно и почти все напрасно.

Но появление Людмилы Николаевны на этих подмостках — всегда волнующая кульминация, сильный аргумент. «По этой статье и такие суммы? Их даже неприлично называть!» И такая убежденность в своей правоте, прежде всего в правоте дела, что почти физически ощущалось, как Людмиле Николаевне тесно в этом кабинете, как хочется разорвать путы, которые пытаются наложить на музей. И ведь получалось, хотя не всегда и не во всем.

В один из крупнейших музеев города с любыми, даже незначительными вопросами можно было обратиться к Беловой и получить исчерпывающий ответ, касалось ли это кадровой политики музея, финансово-хозяйственной деятельности или творческих проблем.

Она не просто была, как принято говорить, в курсе всего происходившего в музее, она во многом определяла этот курс, не пренебрегая и незначительными подробностями музейной жизни.

Что за этим стояло? Мелочность, недоверие к подчиненным, желание показать и доказать, что она «самая-самая»? Конечно, нет. Скорее, дотошность руководителя, знающего не понаслышке, какой это труд — собирать камни (воспользуемся этим библейским выражением применительно к музейной практике). Этим она походила на многих из славной плеяды музейщиков-создателей, да Людмила Николаевна и сама по праву входила в их число. Именно при ней складывался талантливый творческий

коллектив музея, при ней шла активнейшая работа по комплектованию музейных фондов, тех коллекций и отдельных предметов, документов, которые при кажущейся хаотичности, случайности в своей совокупности отражали судьбы города и горожан в разные периоды истории.

Не хотелось, чтобы эти заметки воспринимались как панегирик Людмиле Николаевне. Ведь и она была разной. Иногда страстной, упрямой, со своими предпочтениями, порой трудной в общении с коллегами, и не только с ними.

В последние годы жизни в ней чувствовалась какая-то усталость. Но не от груза прожитых лет, не потому, что угасал творческий огонек, утрачивался интерес к происходившему. Изменялось все, и Людмила Николаевна застала период, когда стало чуть ли не обязательным не собирать, а разбрасывать камни и, к сожалению, забрасывать камнями. А вот этого она понять и принять не могла. Как не смогла сдержать слез на ступенях лестницы Управления культуры, когда ее отлучили от Музея обороны и блокады Ленинграда, последнего из созданных ею.

И все же... В советское время родился прекрасный и очень емкий термин-характеристика — «поколение победителей». Человеком этого поколения и осталась в моей памяти Людмила Николаевна Белова.

А. Д. Марголис

«Впереди, на лихом коне»

Музей истории Санкт-Петербурга в октябре 2007 года будет отмечать вековой юбилей. В его бурной биографии отразились все грани минувшего столетия.

Три ярких фигуры олицетворяют главные этапы крутого маршрута, пройденного музеем. Александр Николаевич Бенуа — один из основателей и первый директор возникшего на общественных началах Музея Старого Петербурга.

Лев Александрович Ильин — директор Музея Города, созданного осенью 1918 года.

Людмила Николаевна Белова — директор Государственного музея истории Ленинграда (ГМИЛ) в 1954—1987 годах. Эти тридцать три года в жизни страны включают хрущевскую «оттепель», эпоху застоя и начало горбачевской «перестройки», ровно треть века.

Людмила Николаевна возглавила музей в неполные тридцать лет. Когда мы познакомились, ей исполнилось 48, мне — 25. Это было удушливым летом 1972 года. Только что вернувшись в родной город из Новосибирска, где окончил университет и был учителем истории, я искал работу. В дирекцию музея, которая в тот год разместилась в здании офицерской гауптвахты Петропавловской крепости, меня привела Маргарита Владимировна Идельсон. У нас было общее увлечение — история царской тюрьмы, и мы хотели работать вместе — в научно-экспозиционном отделе.

Рекомендации своего научного сотрудника Белова выслушала без особого внимания, мои студенческие публикации по истории сибирской ссылки перелистала, не вникая в содержание, и в итоге сказала, что может предложить мне работу лишь внештатным экскурсоводом. В отличие от М. В. Идельсон, которая не скрывала своего разочарования, вердикт директора меня совершенно не огорчил. Я был готов работать в Петропавловской крепости в любом качестве. В течение месяца я подготовил обзорную экскурсию, получил допуск от доброжелательных В. С. Соломко и Т. П. Кулешовой, а в сентябре уже наматывал свои километры по маршруту от Петровских ворот к Нарышкину бастиону. Так началась моя музейная карьера.

Первая половина семидесятых — время создания главных экспозиций «беловского периода», когда уникальный организаторский талант Людмилы Николаевны проявился в полной мере.

В Инженерном доме открылась экспозиция «Архитектура Петербурга—Петрограда», в Иоанновском равелине — Музей газодинамической лаборатории, а в Комендантском доме строилась экспозиция по истории дореволюционного города. Одновременно в Смольном соборе рождалась выставка «Ленинград вчера, сегодня, завтра», сооружался Монумент героическим защитникам Ленинграда на площади Победы, ставший впоследствии очередным филиалом ГМИИ.

Белова без колебаний бралась за все и успевала везде. Слово «невозможно» для нее не существовало.

Первые два года в музее я наблюдал за этим вихрем созидания как бы со стороны, с позиции рядового экскурсовода. Все изменилось для меня летом 1974, когда я наконец стал научным сотрудником и включился в строительство экспозиции в Комендантском доме.

В последние дни перед открытием в декабре 1975 года мы не расставались с Беловой ни днем, ни ночью. Директор вместе со своими сотрудниками, художниками и монтажниками поселилась в центре Петропавловской крепости. В ее руках мы видели то телефонную трубку (постоянная связь с руководством!), то перо (подписывались десятки актов и процентовок), то молоток (сама монтировала что-то в витринах), то иголку или утюг (подшивала и гладила шторы). Мы валились с ног от усталости, но вдохновляющий пример неутомимой Беловой открывал второе дыхание. Это был тот самый командир — «впереди, на лихом коне».

В дальнейшем, уже в качестве руководителя, я участвовал в создании и открытии многих музеев и выставок в Петербурге, в Сибири, в Манчестере и Брюсселе... но рождение первой экспозиции, в Комендантском доме зимой 1975-го, останется в ряду самых ярких впечатлений моей нескучной жизни.

Мы работали вместе почти 15 лет. Далеко не всегда я понимал и одобрял ее решения, поступки, так называемый «стиль руководства». Но всегда чувствовал, что судьба свела меня с ярким и незаурядным лидером, настоящим **ДЕЯТЕЛЕМ** культуры.

Белову часто критиковали за плохую кадровую политику, случайных людей, которых она выдвигала. Действительно, в ее ближайшем окружении, во главе многочисленных филиалов, созданных ею, таких было немало. Но справедливости ради вспомним, что именно из ее команды вышли Б. М. Кириков, Л. Я. Лурье, Ю. М. Пирютко и другие лучшие петербурговеды нашего времени.

Из маленького, почти полностью раздавленного «веком-волкодавом» музея Людмила Николаевна Белова сумела создать один из крупнейших музеев страны. Покидая свой пост в 1987 году, она оставляла наследникам колоссальную музейную коллекцию, десятки памятников истории и культуры, восстановленных и превращенных в музейные экспозиции, бесценный опыт музейного строительства.

Быть наследниками Бенуа, Ильина и Беловой — высокая честь и огромная ответственность.

Последний раз мне довелось увидеть Людмилу Николаевну в конце 1992-го или начале 1993-го на обсуждении только что вышедшего энциклопедического справочника «Петербург—Петроград—Ленинград». Это издание готовилось с середины 1980-х годов на базе нашего музея, и Белова вложила в него много сил. Собравшиеся много говорили о недостатках долгожданной книги, которая оказалась памятником уходящей эпохи. Белова не скрывала своего огорчения, слушая критиков. Ее настроение заметно улучшилось, когда, подводя итоги дискуссии, я сказал, что к 300-летию Петербурга мы обязательно подготовим новое издание городской энциклопедии. Эта книга выходит в год 80-летия неутомимой труженицы и энтузиаста, нашего незабвенного Директора.

Г. Ю. Никитенко

В память Л. Н. Беловой

О работе Людмилы Николаевны по расширению Музея истории Ленинграда, об «эпохе Беловой» написано немало. Мне хочется напомнить о малоизвестной сейчас стороне ее деятельности в масштабах города.

Возможно, не все знают, что с начала 1960-х годов и до середины 1980-х она была одним из руководителей городской Комиссии по наименованию улиц и объектов местного подчинения при Исполкоме Ленгорсовета, в 1970—1980-х годах являлась заместителем председателя. В то время перед городом стояла сложная задача наименования огромного количества улиц в появившихся тогда новостройках. Под ее руководством и при участии Р. А. Соминой был выработан принцип наименования улиц, с закреплением за каждым районом особой темы (так, космос — за Московским районом, страны Восточной Европы — за Фрунзенским, история Великой Отечественной войны — за Кировским, наука и культура — за Выборгским, история авиации — за Приморским, морская тема — за Васильевским островом и др.). И благодаря этому в наших новостройках горожане сразу получали прописку по стабильному адресу. В Москве в то же время люди долгие годы жили на улицах с проектными названиями типа «1-я Параллельная», «2-я Дуговая» и т. д. Но не только в этом заслуга Людмилы Николаевны. Она сумела противостоять всем попыткам переименования улиц в исторических частях города, сохранить то, что осталось к 1960-м годам, и даже по возможности реанимировать забытые названия. Она делала это настойчиво и требовательно. Например, Людмила Николаевна отстаивала Введенский канал на протяжении целого ряда заседаний топонимической комиссии. А ведь мно-

гие ее члены боялись «церковных названий» и выступали против. Белова умела находить аргументы в защиту истории города. Мне посчастливилось наблюдать за этой работой с 1976 года, когда я стала сотрудником Музея истории Ленинграда и вошла в рабочую группу топонимической комиссии. Комиссией на моей памяти руководили Н. Г. Елисеева, а позднее В. И. Матвиенко.

Благодаря Людмиле Николаевне еще в 1970–1980-х годах на карте города появились и названия станций метро, связанные с историей местностей, — «Купчино», «Озерки» и т. д. Кстати, именно Беловой удалось настоять на наименовании станции метро «Крестовский остров» вместо «Кировская» или «Олимпийская». За это название велось настоящее сражение. Это еще один памятник Людмиле Николаевне в нашем городе.

Я хочу напомнить еще об одной работе: о задуманном Людмилой Николаевной труде под названием «1000 улиц Ленинграда», где предполагалось описать историю значительной части городских улиц, рассказать об их застройке и памятных местах. Эта работа была выполнена к концу 1970-х годов, но по разным причинам тогда она не была издана. В ней участвовали Б. М. Кириков, А. В. Повелихина, Т. М. Семенова, Е. П. Бусырева, О. А. Чеканова и я. Позднее появилось название «Энциклопедия улиц».

Из этого проекта реализована книга, написанная мною совместно с моим мужем и посвященная улицам Васильевского острова. Во вступлении говорится, что идея издания принадлежит Людмиле Николаевне, так что эта книга тоже несет память о ней.

Не могу обойти и еще одну большую работу, которой руководила Белова с 1985 года, — создание заповедной зоны «Старый Петербург» в районе Миллионной улицы и Конюшенных. Уже прошло двадцать лет, и многие не помнят или вообще не знают о проектах того времени по музеефикации домов на Миллионной улице, 8 и 10, о создании пешеходных зон вдоль набережной реки Мойки и на Малой Конюшенной улице. Сколько сил и нервов было потрачено на их подготовку! Забылись и бывшие газетные баталии. Но сегодня, когда мы идем по ухоженной Малой Конюшенной или мимо дома Пушкина на набережной реки Мойки, 12, вспомним, что в создании предварительных проектов участвовали сотрудники Музея истории Ленинграда, а общее руководство принадлежало Людмиле Николаевне Беловой.

Наш город, его улицы и музеи хранят память об этом умном и деятельном человеке.

Л. А. Аксенова

Судьбой дарованная встреча

Допускаю, что эти слова у кого-нибудь могут вызвать ироническую улыбку. Ведь речь идет о Беловой Людмиле Николаевне, бывшем директоре Государственного музея истории города, в котором я проработала почти тридцать лет, из них половину под ее руководством. Начальство как-то не принято любить. Те, кто любит, любит и преклоняется перед начальством, — это особая порода людей. Людмила же Николаевна была человеком своей эпохи, преданным идеалам коммунизма, руководителем музея более идеологического, чем исторического. Хорошо умела решительно поставить подчиненного на свое место, а то и просто «выкрутить руки». Ее, естественно, любили родные и очень близкие ей по духу сотрудники. Остальные побаивались, но уважали ее все. По мере того как удалялся ее образ, а сама я стала приближаться к порогу, на котором остановилась она, я стала преклоняться перед ней. В музейном мире она была не просто директором — она была явлением. Таким же явлением в этом мире был, например, Анатолий Михайлович Кучумов, директор Павловского дворца, которого никогда не забудут те, кто его знал. Они-то и поймут меня. Разумеется, были и другие, высшей пробы музейщики, но ее я знала близко. Директором она стала в 29 лет — явление нечастое в советскую эпоху. Разумеется, она была верным партийцем, обладала очевидными организаторскими способностями. Надо полагать, при ее назначении немаловажную роль сыграл тот факт, что она была дочерью народовольца, революционера, узника тюрьмы Петропавловской крепости (причудливая игра судьбы!), которая была тогда одним из филиалов музея.

На маленькой выставке, посвященной памяти Людмилы Николаевны, была полустертая фотография немолодого мужчины с маленькой девочкой на руках. Ее отец застал еще годы царствования Александра II, а она дожила до «детской болезни “демократии” в коммунизме». Была она музейщиком настоящим, старалась, и это у нее получалось, спасти все, чего касались ее руки. Смольный собор — вовсе не подходящее место для идеологизированной экспозиции «Ленинград вчера, сегодня, завтра». Но это был почти единственный способ спасти это уникальное произведение архитектуры, которое я, вспоминая свою молодость, вижу с выбитыми окнами и грудами кирпича, окруженное зеленым деревянным забором. В 1980 году Белова, посадив нас, научных сотрудников и хранителей, в автобус, привезла в Пантелеймоновскую церковь, тогда одно из помещений завода «Электропульт», привезла спасать. Завод неохотно уступал свои площади, а для создания очередной идеологической экспозиции «Памятник защитникам полуострова Ханко» — дело святое! Тогда памятник разрушался. Это сейчас он — опять храм.

Никогда не забуду, как в конце 1970-х годов на очередное заседание фондово-закупочной комиссии пришла Белла Нуриевна Рыбалко, тогда директор музея Ф. М. Достоевского, с сообщением, что в Москве некто Николай Павлович Ильин, владелец крупнейшей коллекции материалов, связанных с творчеством А. А. Блока, предлагает ее нашему городу. По своему объему — это почти готовый музей. Судьбой коллекции заинтересовались крупные московские персоны, в том числе писатель К. М. Симонов. В нашем городе имелись в одном доме две квартиры, теперь коммунальные, некогда принадлежавшие семье Блока и его матери. Вопрос был решен сразу же и как-то даже мимоходом. Какими путями шла Белова, когда она пробивала в высших инстанциях решение о создании еще одного филиала для Музея истории Ленинграда, уже никто не узнает. Но необходимые средства были выделены, и квартиры были расселены, несмотря на многие драматические, почти детективные ситуации. Сотрудники из нынешнего музея Блока привезли из Москвы упакованные в дорожные кофры материалы. Поскольку историко-бытовая коллекция, хранителем которой я была тогда, занимала в музее самую большую площадь, сундуки разместили в одной из комнат Никольской куртины. Началась обработка материалов. Это были не только уникальные рукописи, книги, вещи, но и огромный объем всякого рода предметов раздела под условным

названием «Все вокруг Блока». Я же каждую свободную минуту совала в эту комнату нос и с душевным трепетом брала в руки слегка пожелтевшие листы. Живые строки... «Как океан меняет цвет...» до сих пор для меня жгут, как Чернобыль. Фотографии... его, Блока, рубашка! И книги, которых касались его руки. Я и позже не могла привыкнуть к дыханию многих других вещей, намоленных, как иконы, жизнью ушедших. Самым трудным, но безумно интересным было время, когда началась работа над монтажными листами. В небольшом помещении без окон на столах, на диване, на полу были разложены предметы коллекции, из которых при участии художника создавались образы будущей экспозиции — в витринах, на стендах, на стенах, в пространстве. Людмила Николаевна приходила каждый день, и начиналась борьба. Вот не разрешала она размещать в витринах открытки с изображением Мадонн, соборов, привезенные некогда Блоком из путешествий. Выслушивала аргументы, однако побеждала всегда она. Обстановку разряжали поиски очков, которые только начинала носить Людмила Николаевна и вечно их где-нибудь забывала. Горько, что сейчас этот перспективный музей потерял во многом свой блеск.

Я подобную ситуацию пережила несколько ранее, когда в 1977 году готовилась экспозиция в Памятном зале Монумен- та защитникам Ленинграда. На полу хранилища в масштабе поли- ков витрин были разложены листы бумаги. Вокруг них вместе с художником Львом Бабиным ходила Людмила Николаевна, со- здавая композиции. У нее было невероятное чутье и способ- ность заставить предметы «договариваться» друг с другом. Я тог- да многому у нее научилась. Об ее участии в работе над экспози- циями и выставками ходили легенды. Мне рассказали эпизод, имевший место при создании еще первой экспозиции по истории города в залах Румянцевского особняка. Тогда она только родила свою дочь. В те времена, насколько я помню, женщинам полагал- ся только декретный отпуск на четыре месяца и более ничего. Да и сама Белова в эти горячие денечки не ушла бы в отпуск, поэто- му кормить ребенка ей приносили на работу. Однажды, когда шло заседание художественного совета, она ушла в соседнюю комна- ту, оставив дверь открытой, чтобы все слышать. И вот в один критический момент она высунулась в проеме с младенцем на груди — этакая советская Мадонна — и прокомментировала ситу- ацию решительными русскими словами. Это она умела, хотя, зная чувствительность некоторых сотрудниц к подобным выражени- ям, предупреждала их: «Выйди, я сейчас ругаться буду».

Л. Н. Белова. Середина 1940-х гг.

Воспитательница Л. Н. Белова с детьми из Ленинградского интерната.
Красноярский край, село Бея. 30 апреля 1945 г.

Л. Н. Белова. 1950-е гг.

Л. Н. Белова. 1950-е гг.

Л. Н. Белова. 1954 г.

Л. Н. Белова на открытии Петропавловского собора с группой экскурсантов. 22 июня 1957 г.

В коридоре тюрьмы Трубецкого бастиона у камеры № 42
Н. О. Белов (отец), Н. Н. Белова (сестра), А. П. Белова (мать),
Л. Н. Белова с дочерью Надеждой. 7 ноября 1957 г.

У стен Петропавловской крепости. Л. Н. Белова
с отцом Н. О. Беловым. 1957 г.

Кабинет директора. Петропавловская крепость, 3. Ноябрь, 1965 г.

Л. Н. Белова с археологами проф. М. К. Каргером, А. Н. Кирпичниковым, В. И. Кильдюшевским, А. А. Розовым на раскопках в Шлиссельбургской крепости Орешек. 1965 г.

Л. Н. Белова с участниками международной конференции по воспитательной и просветительской работе на экспозиции. 1968 г.

Л. Н. Белова принимает вьетнамскую делегацию в Петропавловской крепости. 1960-е гг.

Л. И. Брежнев и Л. Н. Белова на Пискаревском мемориальном кладбище. Конец 1960 — начало 1970-х гг.

Л. Н. Белова в Кишиневе. Лето 1975 г.

Л. Н. Белова в Смольном соборе на выставке «Ленинград вчера, сегодня и завтра». В центре: секретарь Обкома КПСС Б. С. Андреев, начальник Гл. управления культуры Б. М. Скворцов, ст. методист В. В. Лепешинский. 1977 г.

Л. Н. Белова в рабочем кабинете. 1978 г.

Сотрудники музея поздравляют Л. Н. Белову с 25-летием работы на посту директора. 1979 г.

Л. Н. Белова, Я. Н. Грачев, Л. А. Овчинников, летчик-космонавт Н. Н. Рукавишников, старейший сотрудник Газодинамической лаборатории В. С. Соколов и зам. Генерального конструктора НПО «Энергомаш» А. К. Сакалов на открытии новой экспозиции. 27 мая 1983 г.

Л. Н. Белова на Монументе
героическим защитникам Ленинграда. 1984 г.

Л. Н. Белова, В. Я. Ходырев, В. И. Матвиенко у здания дирекции
Петропавловской крепости. 1980-е гг.

Белова, Ларс. Кук. 1924 г. Лестница

Вот она казалась, а только что закончили 9-е среднее училище. Сколько бы не было там, достигли бы - забыть ужасную войну никак (будет) не удалось. Инженеры как все советские люди, жили в сиротстве по воле легендарного Царя-вождя и героев. Размещались в бараках, в которых оставалось незначительное количество вещей, в которых оставалось 2,5 миллиона пива, с которыми осуществляли свой варварский план, уничтожения мирного населения, разрушения тысяч домов, тысяч варварских бомбежек и артиллерийских обстрелов.

По сей день сиротство вспоминаю в эти бомбежки и обстрелы в первые месяцы войны. Не считай - декабрь 1941 г. Артиллерийские обстрелы были ежедневными, а иногда и несколько раз в день. Воздушные бомбардировки и артиллерийские обстрелы были преднамеренно жестоко, были направлены ~~как~~ на уничтожение мирного населения. Который жизнь город : на работе, дома, ночью, как бы не оставалось угрозы смерти.

Как сейчас помню один из обстрелов жилого квартала на Забайкальской ул. Размещены обстрелы (дома № 12) ^{сначала} ~~тогда~~ в октябре-ноябре 1941 г. начался обстрел района, ^{сначала} ~~тогда~~ летит царская ракета, все жители нашего дома хотели убраться в бомбоубежище, для этого нужно было купить дров. Но кто-то из нас на голову накрывался предположительно разрывавшей снаряд. Рядом с камнем оказался убитым камень свертками, маленькими 16-17 лет: ^{ранен} ~~ранен~~ Фомин, Игорь Фомин, и Павел Вукши. ^{ранен} ~~ранен~~ было пальнуть, левый рука. Сидящий ^{ранен} ~~ранен~~ Дня Смирнов не мертвые лица, ребята, много крови, ^{ранен} ~~ранен~~ и крики женой.

Отрывок из воспоминаний Л. Н. Беловой. Фрагмент черновой рукописи. 1964-1965 (?) г.

Л. Н. Белова. 1986 г.

Постановления Совета Министров РСФСР
от 19 декабря 1979 г. № 622

Беловой
Александр Николаевич,

директору музея, за создание гуржественной
экспозиции музея „Детвѣ оа Ленинград в орга-
низацию комсомола палатника „Побѣды“
в г. Ленинграде присуждена Государственная
премия РСФСР в области архитектуры.

Совет Министров РСФСР

Диплом № 655

Диплом лауреата Государственной премии РСФСР, врученный Л. Н. Беловой. 1979 г.

Особенно интересно было наблюдать ее уже при монтаже экспозиций. На них она присутствовала всегда, особенно в работу не вмешивалась, так как все уже было в принципе решено. В залах квартиры Блока она подшивала занавески, в Комендантском доме мела горы обрезков бумаги, держала на весу банки с клеем. Когда я как-то удивилась: «Не царское это дело — пол мести», она ответила: «Ну что ты понимаешь — учись». Может быть, поэтому она знала цену каждому сотруднику, но редко кого изгоняла. Понимала, что, если человек не хочет или не может работать, он найдет сто заборов. Да и советское законодательство тогда стояло на «защите интересов трудящихся». Она редко повышала голос, до этого ее надо было довести. Однажды была я свидетелем сцены, когда она отчитывала свою сотрудницу, стоявшую перед ней рядом с обаятельной Р. И. Шпиллер, ее заместителем. Сотрудница, остолбенев, молчала, а когда Рита Ильинична отошла, спросила: «А за что?» — Людмила Николаевна успокоилась и разъяснила: «Ну неужели ты не понимаешь, что я не могу кричать на Риту Ильиничну!» Та, видно, сама поняла, кому адресован выговор. При всем этом ее боялись, некоторые просто опасались. Однажды мне неожиданно повысили зарплату. Я удивилась, обрадовалась и, естественно, спрашивать ничего не стала. Через некоторое время меня вызвали к директору. Кто ждет хорошего от таких неожиданных вызовов? Поэтому я шла через площадь в крепости с легкой дрожью в коленях. Она сама вышла ко мне из кабинета и разъяснила, что мне на время дали оклад ушедшей в декретный отпуск сотрудницы. Теперь та вернулась, и оклад мой должен проделать то же самое. Она сама решила сообщить мне об этом, чтобы я не восприняла этот маневр как наказание. Ну, почти извинилась, чем привела меня в остолбенение. Кто из руководителей тогда, а тем более сейчас, способен на подобное.

Наиболее жгучие воспоминания о ней у меня связаны с эпизодами в помещениях хранилища мебели в Петровской куртине. Там я работала редко, и однажды, сдавая ключи на вахту, находившуюся рядом с дверью, я услышала странный шум. Когда вскрыла помещения, то чуть не упала под напором хлынувших из двери клубов пара. Прорвало систему отопления. Пока искали сантехников, я, завывая и задыхаясь, упираясь ногами в пол, отодвигала шкафы и столы, оттаскивала стулья. На другой день прорыв ликвидировали и, прикатив огромный рулон бумаги, закрыли сверху мебель, так как на нее с потолка валились пласты отсыревшей побелки. Известь, даже в виде пыли, — трагедия

для старинной мебели, она удаляется только реставрационными методами. Через пару дней все повторилось. Я пришла к директору с просьбой: надо отключить систему отопления, она со времени послевоенного ремонта проржавела, схемы разводки, созданные еще тогда, когда помещениями владели посторонние организации, утрачены. Стены толстые, температурный режим будет не так страшен, как клубы пара. Людмила Николаевна спокойно осадила меня: «Ты что-нибудь понимаешь в сантехнике?» Ну, конечно же, нет, но есть же здравый смысл!

Когда же ситуация вскоре повторилась, я уже открыла дверь в ее кабинет, как это называется, ногой. Она опять была великолепна в своем спокойствии. Мои нервы не выдержали, я разрыдалась и почти прокричала: «Ну меня не жалко — это понятно, пожалейте хотя бы вещи!» Не помня себя, я почти скатилась по лестнице и, когда в истерике рвала выходную дверь на себя, почувствовала на плече ее руку. «Успокойся», — это она, такая величественная. Я успокоилась не от ее слов, а от потрясения: как это она, уже немолодая и грузная, смогла меня догнать. Но проблему она таки решила. Систему в хранилище отключили, а трубы отопления протянули в обход его, пробив стены. Все дело было в гараже, о котором я-то и знать не знала, хотя он находился по соседству с хранилищем.

Но наступали дни знаменитой перестройки со всеми приступами «детской болезни “правизны” в демократии». Кто-то очень умный на волне демократизации придумал даже избрание, вернее, переизбрание директоров предприятий и прочих руководителей. Решили переизбрать и Белову. Устроить этакий показательный процесс свободных выборов. Она-то, умница, понимала, что эта процедура — казнь, по существу. Происходила она в зале ДК имени Н. В. Шелгунова. Накануне вечером мне позволила одна из претенденток на роль директора с просьбой поддержать ее кандидатуру выступлением перед аудиторией. Людмила Николаевна сидела на сцене в президиуме спокойная, почти величественная, как Екатерина Великая. А я в зале задыхалась от муки, но выступила, пытаюсь преодолеть комок в горле. Сейчас я понимаю, что это был стыд. Это его я преодолевала. И преодолела. Хотя мне стыдно до сих пор. В конце всех речей выступил Виктор Иванович Грибанов, тогдашний заведующий филиалом «Смольный собор», у которого с Беловой были непростые, даже не приятельские отношения. «Кого бы вы ни выбрали, все равно никого равного Людмиле Николаевне не будет.

Потому что она — личность!» После всей процедуры вышла сама Людмила Николаевна и очень спокойно, ужасно спокойно сказала: «Вот и кончилась моя трудовая жизнь».

Теперь-то я знаю цену этому спокойствию. Видела я ее после этого крайне редко. Потом узнала, что работает она в Музее обороны и блокады Ленинграда. Весной 1990 года, в очередную годовщину Победы, меня пригласили на праздничные торжества в крепость Орешек. День был прекрасный. Ехали мы в автобусе вместе с ветеранами, была там и Людмила Николаевна. Сидели мы рядом, разговаривали, и я делала вид, что спокойна, хотя душа моя дрожала. Помнит, наверное, она мое предательство. Спросила ее, как живет она в эти дни чудовищной нищеты. Сейчас мало кто вспоминает пустые прилавки в магазинах начала 1990-х годов и талоны, талоны на все. На свою зарплату я могла бы покупать в день только одну пачку пельменей. Даже кусок мыла можно было купить только по предъявлению паспорта с пропиской. Она ответила: «Плохо, как все. Хорошо хоть не курю. Накоплений ведь никаких нет». Какие накопления! Они, если у кого и были, сгорели в один день.

В этот солнечный день, среди множества людей мы не держались рядом. Она была с внучкой, и как-то быстро я потеряла ее из виду. Это была последняя встреча.

Еще раз я увидела ее через год, летом. Я шла по Соляному переулку и на другой стороне улицы, недалеко от Пантелеймоновского храма, увидела Людмилу Николаевну. Она шла очень медленно, грузная, сосредоточенная, ушедшая в себя. Видно было, что это не просто нездоровье, но нечто другое. «Как раненая!» — мелькнуло в голове. Первым движением было подойти к ней. Но мысль, что ей будет больно, что ее видят такой, отрешенной, ничего вокруг не видящей, раненой, остановила мои ноги. Я прошла мимо. Потом были похороны. Она лежала в гробу такая же отрешенная, такая же величественная, в каком-то нелепом тюлевом чепчике. Этот дикий чепчик на ее голове с таким умным даже после смерти лицом хотелось сорвать. Ведь смерть даже не родного человека — всегда стресс. И еще моя не прощенная вина перед нею, мой стыд, моя горечь. Были речи, все вели себя очень прилично, по-моему, даже никто не плакал. Я тоже не плакала.

Это сейчас мне хочется плакать от потери такого человека, такого музейщика. С этой потерей и музей утратил свой масштаб, свое значение.

И. Г. Брусиловская

«Я живу, пока живу в музее...»

Я впервые увидела Людмилу Николаевну, когда пришла устраиваться на работу. Мне было 17 лет, я была и сейчас осталась невелика ростом, а весила тогда 43 кг, и понятно, что Людмила Николаевна произвела на меня ошеломляющее впечатление своим ростом и статью.

В те годы я видела ее нечасто. Меня поразило, что, проходя по крепости, Людмила Николаевна всегда здоровалась со всеми дворниками, уборщицами, зрителями, называла их по имени и отчеству — она знала их всех.

На праздниках все сотрудники (а было их 100 человек) обычно собирались за общим столом, и во главе его всегда сидела и задавала настроение Людмила Николаевна.

В 1960-х годах, да и в последующих, все организации культуры должны были отработать сколько-то дней на полях области. Эта повинность растягивалась на несколько месяцев. Наш директор поступила иначе: весь коллектив (независимо от возраста и болезней) вывезла на уборку картошки на три дня. Она назначила ответственных за организацию работ, а сама встала на грядку. Видно было, что ей эта работа тяжела, но, пока не закончили, Людмила Николаевна с поля не ушла.

Людмила Николаевна умела объединить коллектив общим делом. Экспозиции в те времена создавались напряжением сил всех сотрудников. Так открывали в 1972 году постоянную экспозицию «Архитектура Санкт-Петербурга». И опять Людмила Николаевна трудилась наравне со всеми, выполняя любую рабо-

ту,— ей был нужен результат. Я помню только, что Людмила Николаевна уже вела комиссию по приемке экспозиции в первых залах, а в последних ее сестра, Татьяна Николаевна, мыла полы, а ее муж с немногочисленными музейными мужчинами выбрасывал все, что не пошло на стены, через окна во двор Инженерного дома. Сотрудники фондов во главе с главным хранителем М. Н. Петровой оттирали пятна со стен и стекол. Монтаж этой экспозиции был ярко представлен А. М. Сараевой-Бондарь в одном из последующих капустников, которых, к слову сказать, в музее было много. Уж и посмеялись мы от души!

Людмила Николаевна умела увидеть музей там, где была просто квартира и прекрасные (и не очень) старые вещи. Существующий ныне музей путешественника и исследователя П. К. Козлова обязан своей жизнью Людмиле Николаевне: она несколько лет держала на ставке смотрителя А. Четверикову — соратницу ученого — как хранителя его будущего музея. Только энергия Людмилы Николаевны позволила сохранить коллекцию ценнейших материалов и спасти ее как от родственников Четвериковой, так и от работников жилконторы.

Отношения с фондами у Людмилы Николаевны всегда были сложными, нынешние проблемы во многом происходят из тех лет. Директор считала, что принять в музей обязаны все, независимо от количества, качества предметов и их содержания. Какими силами, когда и как успеют обработать и записать все — ее не волновало: должны! Были годы, когда в фонды поступало свыше 20–30 тысяч единиц хранения за год. Конечно, качество обработки сильно хромало. В то же время за 1970–1980-е годы были собраны такие уникальные коллекции, которые вывели музей в число крупнейших в городе.

Наша единственная встреча наедине состоялась в 1983 году. Людмила Николаевна взяла меня в командировку в Москву. Вечером в гостинице мы долго разговаривали. Разговор получился грустным. Людмила Николаевна как будто предчувствовала следующие события. Она говорила о том, что в музее ее жизнь, что она с ужасом думает о предстоящих годах старости и необходимости когда-нибудь покинуть музей. «Я не домашний человек. Я живу, пока живу в музее» — эти ее слова я запомнила навсегда.

М. А. Кондрашова

Тридцать лет в каземате

Мне было двадцать лет, когда я впервые вошла в Петровские ворота Петропавловской крепости. Как случилось, что домашние и школьные культпоходы обошли крепость стороной, понять не могу по сей день. Но тогда для поступления на заочный в институт нужно было работать по профилю, и я шла устраиваться в Музей истории Ленинграда. Помню, как прошла ворота, повернула направо и долго шла вдоль стены куртины, в конце которой нашла дверь. У двери стояла вахтерша Евгения Николаевна. Как я теперь понимаю, она была совсем не старая, но всегда казалась нам бабушкой — опекушкой крепостных кошек. Потом ко мне вышла в синем рабочем халате сотрудница Ирина Георгиевна Брусиловская и пригласила внутрь. Тут я впервые увидела длинный-предлинный коридор куртины с расходящимися по обеим сторонам комнатами, на которые разделены казематы. Передо мной появилась маленькая, быстрая в движениях Мария Николаевна Петрова — главный хранитель, позвала в кабинет и, расспросив обо всем, попросила написать свой телефон и адрес. Это была проверка почерка. Тогда, в 1973 году, не то что компьютеров — печатных машинок на всех не хватало и музейные акты писались от руки в трех экземплярах. Почерк понравился, и я была принята в святая святых фондов — сектор учета. Думала ли я тогда, что, впервые увидев крепость, добровольно заточу себя в каземате почти на тридцать лет?

В секторе учета работа была важная, нужная и совсем не нудная, как говорили многие девчонки, будущие историки и искус-

ствоведы, работавшие техниками у хранителей. Однако и мне хотелось в фонд к вещам. Но Мария Николаевна, считая, что для сектора я подхожу, противилась моему переходу. Пришлось даже уволиться на год. Но через год я вернулась, помогала некоторое время разбирать коллекцию Н. П. Ильина, только что приобретенную с целью открытия при музее филиала Блока. Потом я стала младшим научным сотрудником в фонде градостроительства. Этот фонд достался в наследство от Музея Города, который существовал в Ленинграде с 1918 года. Экспозиции этого, упраздненного в 1930-х годах, музея раскрывали историю мирового градостроительства, поэтому главной темой комплектования его коллекций была иконография городов мира. Вскоре фонд решено было разделить на отдельные группы хранения, и в 1979 году меня назначили хранителем видовой графики и живописи городов мира и России. Назначение состоялось без вызова к директору, через главного хранителя, которой директор очень доверяла.

Те, уже далекие, 1970–1980-е годы были для Музея истории Ленинграда годами, о которых говорят «время собирать камни». И львиная доля по собиранию этих камней принадлежала директору Музея Людмиле Николаевне Беловой. Тогда, только начиная свою хранительскую работу, я мало сталкивалась с директором. Принимаемый мной фонд был для музея непрофильным, и многие вопросы решались через главного хранителя. Я видела Людмилу Николаевну на редких общемузейных совещаниях или по вечерам, во время очередных ночных дежурств в дирекции, которые были обязанностью научных сотрудников.

Людмила Николаевна всегда была в делах, решала какие-то важные вопросы, в ее кабинет постоянно входили сотрудники или посетители. Часто слышалось ее восклицание «Ребята! Это надо сделать», и появлялись новые экспозиции, выставки, открывались новые филиалы, закупались целые коллекции, росли фонды, растекаясь из Петровской куртины по другим куртинам, фланкам и равелинам.

Белова часто засиживалась на работе и уходила поздно, и однажды, когда рабочий день давно закончился, мне довелось поговорить с ней с глазу на глаз. Во время дежурства в дирекции я сидела за столом секретаря и читала книгу о гравере М. И. Махаеве. Подняв голову, увидела стоявшую в дверях своего кабинета Людмилу Николаевну, внимательно за мной наблюдавшую. Она, раньше видевшая меня вскользь, решила, вероятно, побли-

же познакомиться. Это была живая, заинтересованная беседа о фонде, который я принимала. Зашел разговор о том, что в нем хранится, о гравюрах Махаева, и я увидела, как проста и демократична на самом деле была эта женщина, которую раньше побаивалась. А побаивались ее многие, и не из-за внушительности ее крупной фигуры и директорского вида, а потому, что ее нельзя было обвести вокруг пальца, она задавала только нужные, бьющие в самую цель вопросы, и неготовому к этим вопросам приходилось туго. Ее отличали знание дела, широта кругозора, логический склад цепкого ума — все это помогало ей при решении самых разных проблем.

Демократичность Людмилы Николаевны проявлялась во многом. Помню, как поразила и удивила она меня во время одного из замечательных наших музейных капустников. В тот день чествовали в связи с 25-летием работы в Музее хранителя Ирину Георгиевну Брусиловскую. Мы устроили целый концерт с канканом «куртизанок» — хранительниц, заточенных в куртинах. Как Людмила Николаевна задорно смеялась! Она очень любила все талантливое, веселое, озорное. Жаль, что капустники ушли в прошлое. Сколько было в них неожиданного, искрометного, как сближали они всех!

Работа хранителя, особенно непрофильного фонда, имеет особый характер: в ней присутствует некоторая каждодневная отстраненность от горячих дел. Пока кипела работа в научных и экспозиционных отделах музея, хранители этих фондов занимались другим, тихим, кропотливым трудом: систематизировали собрания, старались улучшить условия хранения, хотя понятно, что в казематах крепости это сделать трудно, а дойти до идеала невозможно. Фондовики раскладывали, прокладывали, обрачивали, упаковывали предметы, присваивали им инвентарные номера, составляли научные инвентари, а для этого изучали, датировали, собирали сведения, уточняли и писали, писали, писали... Когда приходили сотрудники научных отделов, то с некоторой иронией говорили: «А вы все пишете, пишете». А мы все пишем и пишем, сначала ручками, потом на машинках, теперь на компьютерах. Время идет!

Каждый день перед моими глазами проходили и проходят по несколько листов с видами городов или чудес природы, которые в течение пяти веков создавались в рисунках, гравюрах, литографиях, каждый день я уточняю сведения о сюжетах, об их авто-

рах. Для того чтобы изучить тысячи музейных предметов, нужны долгие годы. За ознакомительной стадией идет другая, более глубокая работа. Так проходит жизнь хранителя. Только приемные дни да периодическое участие в выставках вносят в эту жизнь струю оживления и разнообразие другого рода деятельности. Но ведь это счастье — видеть каждый день красоту мира через красоту художественной авторской подачи, узнавать каждый день новое.

Людмила Николаевна мало вмешивалась в наш труд, но это было кажущееся невмешательство. Те, кто по должности стоял к ней ближе, могут рассказать, как радела она за то, чтобы научные сотрудники всего музея занимались собирательской работой. Она ставила перед хранителями широкие задачи по изучению фондов, она сама хотела знать и заставляла нас смотреть шире на наши собрания, анализировать, обобщать. Так появились научные справки по отдельным лучшим коллекциям, так выявлялась картина того самого значительного, что есть в фондах и чего явно не хватает. Нужно сказать, что, несмотря на кажущуюся непрофильность ряда фондов, связанных с иконографией городов мира, Людмила Николаевна никогда не хотела от них избавиться, она очень оберегала эти фонды, понимая их уникальность, художественную и историческую ценность, поэтому и дала распоряжение вывести их из законсервированного состояния, распределить между хранителями и начать их изучение. И в то же время она не стремилась выставлять их напоказ, потому что боялась, что музей может в одночасье лишиться этого богатства, если высшие партийные инстанции сочтут, что материалы такого рода должны быть переданы в другие музеи.

Повторяю, я была далеко от нее, но сейчас, когда, как говорят, большое видится на расстоянии, понимаю, какой она была созидательницей, как жила и горела работой, как много сделала для того, чтобы музей состоялся, приумножился, жил и смог выжить в теперешние времена, и как важно созданный ею потенциал сохранить.

Г. Б. Васильева

Вспоминая Л. Н. Белову...

В 1971 году на лекции по истории русской архитектуры в Институте им. И. Е. Репина профессор И. А. Бартенев поздравил нас, студентов факультета теории и истории искусств, с открытием в Ленинграде нового прекрасного музея архитектуры. Он взволнованно говорил о том, что музей сделан с большим вкусом. Все сказанное нашим уважаемым учителем запомнилось. Тогда я еще не знала, что экспозиция создана на материалах Музея истории Ленинграда, который возглавляла Л. Н. Белова.

В 1974 году я пришла в Петропавловскую крепость, где в то время работала экскурсоводом моя сокурсница Н. Т. Николаева. Мы вместе прошли по одиннадцати залам бывшего Инженерного дома, в которых размещалась экспозиция «Архитектура и строительство Петербурга—Петрограда XVIII — начала XX века». Я вышла под сильным впечатлением. Экспозиция была сделана талантливо и тонко, на ней были представлены проектные чертежи петербургских архитекторов, модели памятников, детали архитектурной отделки, мебель, а также видовая графика и живопись. Здесь хотелось работать, и уже в 1974 году я проводила экскурсии по залам этого музея. Архитектурная экспозиция вызвала интерес не только у специалистов, преподавателей и студентов творческих вузов, но и у туристов. Ее и по сей день вспоминают многие петербуржцы. Вскоре в 1975 году была открыта историческая экспозиция в доме коменданта Петропавловской крепости к 150-летию со дня восстания декабристов. Это было время расцвета музейного строительства, создания многочислен-

ных филиалов музея в Ленинграде и его пригородах. Директор, Людмила Николаевна Белова, вела наш музейный корабль решительно, со знанием подводных течений и разнообразных трудностей, а мы, в ту пору молодые сотрудники, часто витали в облаках и не представляли, какая тяжелая ноша взвалена на ее плечи. Многие сотрудники отдавали должное достоинствам Людмилы Николаевны, созидателю, имеющему возможность осуществлять грандиозные замыслы. Теперь, по прошествии многих лет, масштаб ее личности становится все более значительным.

Мне хочется остановиться на одном эпизоде, в котором главную роль сыграла Л. Н. Белова и который во многом определил мою будущую жизнь. В 1978 году я решила перейти с экскурсоводческой работы в фонд графики истории города, хранителем которого была А. М. Павелкина. Альбина Михайловна сказала директору о нашем обоюдном желании, и Людмила Николаевна вызвала меня для беседы. Она знала о том, что я недавно закончила искусствоведческий факультет, и выразила предположение, что работа в фонде с такой ценной коллекцией будет мне интересна. Она вспоминала сотрудников, работавших в фонде, сказала теплые слова в адрес Альбины Михайловны и закончила: «Я думаю, что вы сработаетесь» (впоследствии мы проработали с Альбиной Михайловной 25 лет). Прошло несколько месяцев после нашего разговора, ничего не менялось, меня не переводили из научно-просветительского отдела, и я решила подать заявление об уходе. На следующий день меня вызвала Белова. Когда я пришла, там уже находился заведующий нашим отделом. Белова обратилась ко мне со словами: «Почему ты не пришла ко мне, а написала заявление, я же обещала перевести тебя в фонд?» И, обращаясь к моему непосредственному начальнику, спросила, есть ли у него претензии к моей работе, после его отрицательного ответа Людмила Николаевна сказала: «Так зачем ты принял заявление, нам нужны молодые специалисты, нужны искусствоведы!» И тогда заведующий поспешно стал рвать мое заявление на мелкие кусочки, на что Людмила Николаевна, засмеявшись, сказала: «Ты бы еще начал глотать их, как Герман Лопатин свои списки на Аничковом мосту!»

Прошло тридцать лет с тех пор, как я впервые сотрудником музея вошла в Петропавловскую крепость. Те же березы и липы растут на аллее у Инженерного дома, но давно уже нет экспозиции по архитектуре, она закрылась в 1983 году. Летом расцветают

кусты сирени и жасмина, а в зарослях лиственницы, около Усыпальницы, иногда поет соловей. Петропавловская крепость — особенное место, и мы, «коренные» островитяне, сильно привязаны к ней. Л. Н. Белова очень любила музей, любила крепость. Уже в последние годы ее жизни мы встречались с Людмилой Николаевной вблизи Фонтанки на улице Пестеля. Она шла на работу в Музей обороны и блокады Ленинграда, а я — в наш с ней, в ее музей, бывший Государственный музей истории Ленинграда. Мы недолго говорили и расходились, чувство горечи и боли за Людмилу Николаевну всегда охватывало меня после встречи с ней. Людмила Николаевна тосковала по своему детищу. Она была сильным человеком, но и сильным бывает больно.

Л. А. Овчинников

У нас были непростые отношения

В молодости я был человеком вспыльчивым, неуживчивым, резким. Мог, как говорится, хлопнуть дверью, послать всех и уйти. Так волею судьбы я и оказался не у дел. За плечами Военно-морское училище, Камчатка, университет и его кафедра, работа на Ленинградском радио в редакции Литературно-драматического вещания. Мой товарищ по университету Стас Немчин, встретив меня, предложил: «Кончай, Леня, дурить, приходи работать к нам в Музей истории города. Директор музея Белова — баба толковая, у меня с ней отношения хорошие, возьмет тебя экскурсоводом, зарабатывают они хорошо».

Немчин в то время работал редактором в музее. Так я и оказался в начале 1970-х годов со своим филологическим образованием в коллективе историков.

Экскурсоводы жили в музее обособленно, да они и сейчас живут сами по себе. Обстановка в крепости была относительно либеральная. Погоду в коллективе делали не методисты, а такие ребята, как Лева Лурье, Саша Марголис, братья Дмитриевы. Все они, как и я, вышли из «хрущевской оттепели», к официальной идеологии относились, мягко говоря, скептически, экскурсии старались водить не по методической разработке, а отклоняясь от нее как можно больше, при этом одновременно оглядываясь, чтобы никто из научных сотрудников и методистов тебя не подслушивал. Была в то время такая практика.

Устраивали между собой своеобразные соревнования, кто больше соберет экскурсантов. Иногда, сегодня трудно это пред-

ставить, группы, обрастая, достигали двухсот и более человек. Для этого нужно было не просто рассказывать, а рассказывать увлеченно, интересно. Какая тут методичка! Кто знаком с рубрикой Левы Лурье на телевидении, понимает, что для этого нужен и талант.

Проходя с экскурсией по центральной аллее, я, конечно, знал, что в здании бывшей гауптвахты сидит директор, которого все побаиваются, но впрямую с ним до времени не сталкивался.

После очередного планового прослушивания моей экскурсии научный сотрудник Альдина Ивановна Барабанова доложила директору: экскурсия у Овчинникова интересная, но она не соответствует методической разработке.

«А может, наши методические разработки не соответствуют его экскурсии», — усомнилась директор.

Когда мне стало об этом известно, я искренне зауважал Людмилу Николаевну, не предполагая, что вскоре между мной и администрацией возникнет конфликт. Началось все с того, что Стас Немчин попался с «посевовской» литературой, которую называли антисоветской, и в КГБ во время беседы с ним сказал, что давал читать ее мне. Меня вызвали в Комитет, провели со мной «профилактическую работу».

Через несколько месяцев Стас был из музея уволен, меня же вначале отстранили от ведения иностранных групп, а затем назначили внеочередное прослушивание. Комиссию возглавила Л. А. Бориско. В ходе обсуждения были высказаны замечания, но в целом экскурсия была оценена как хорошая.

На другой день меня вызвали к директору. За директорским столом, как мощный тополь Петропавловской крепости, возвышалась Людмила Николаевна, хитровато посматривая на меня. Весь вид ее как бы говорил: «Ну что, достукался, парень!»

Разговор был коротким. Мне было сказано, что я отстранен от ведения экскурсий. Когда же я возмутился, сказав, что комиссия дала хорошую оценку, Людмила Николаевна, повернув голову к окну, была у нее такая привычка, когда ей что-то не нравилось, заметила: «Петропавловская крепость — важный историко-революционный памятник. Экскурсии в крепости должны быть отличными».

Вот и весь сказ...

Присутствовавшая при этом Бориско виновато смотрела в пол. Ведь ей было дано определенное задание, которое она не выпол-

нила. Я всегда с теплотой вспоминаю Лилию, в дальнейшем мне не раз приходилось убеждаться в ее исключительной порядочности. Для того времени это была редкость.

Я решил не сдаваться. Противостояние закончилось тем, что комиссия, созданная Главным управлением культуры, а возглавила ее В. Сидорова, один из авторов путеводителя по крепости, признала мою экскурсию соответствующей всем научным и идеологическим требованиям. Приказ о моем отстранении был отменен, хотя я и понимал, что во всей этой истории чувствовалась «рука» Комитета, но отношения у меня с Людмилой Николаевной и ее окружением стали натянутыми. Особенно с замом по науке Ритой Ильиничной Шпиллер, которая неоднократно предлагала мне по-доброму уйти. Но зато в коллективе экскурсоводов я был чуть ли не герой. Впервые в истории музея администрация, мягко говоря, оплошала.

Но шло время, и однажды я был удивлен предложением перейти на работу методистом Музея газодинамической лаборатории. Это предложение исходило именно от директора, а не от ее окружения. Для «окружения» я был и оставался красным флагом на арене: «...И тут выносят на арену наш красный флаг, и бык как зарычит».

Как-то один из руководителей филиалов, беседуя с директором, сказал:

«Людмила Николаевна, Вы умная женщина, но каким дерьмом Вы себя окружили».

А я бы, согласившись, уточнил: не умная, а мудрая.

Поразительно, как в этом человеке уживалась народная мудрость, мужская воля и сила, огромная энергия с обычной женской слабостью. Я не раз видел, как она могла расплакаться из-за какой-то ерунды, например, из-за того, что вышестоящие инстанции забросали анонимными письмами, перестать с тобой разговаривать из-за того, что какая-то «добрая» Маша сказала о тебе какую-то гадость, довериться какому-то пройдохе. Вместе с тем она с уважением относилась к людям незаурядным, умным, умела им многое прощать, презирала пустословов и сплетников, к последним, правда, прислушивалась.

Ей доносят: «Такой-то научный сотрудник пьет». — «Нужно сделать его заведующим филиалом», — замечает она.

И сделала! Так поступают только люди незаурядные, обладающие оригинальным умом, личности.

Людмила Николаевна хорошо знала, что в России всегда были и есть пахари. Есть и прилипалы, люди, создающие видимость движения при отсутствии оно́го. Так вот, она всегда делала ставку на пахарей, открывая одну экспозицию за другой. Сама была пахарь номер один, не гнушалась перед открытием мыть стекла витрин, полы, носить экспонаты, иногда это приходилось делать и ночами накануне открытия.

Встал вопрос и о реэкспозиции Музея газодинамической лаборатории. К созданию тематико-экспозиционного плана привлекли Олега Петровича Мухина, взяв его на ставку экскурсовода. Пошли на нарушения, ставили ему группы, которые он не водил. Людмила Николаевна об этом знала. Приношу ей тематико-экспозиционный план на утверждение: «Чего ты его мне принес? Я все равно в этой космонавтике ничего не понимаю».

Подписала. Отдали план художнику Я. Н. Грачеву. Тот посмотрел, приходит к Беловой: «Людмила Николаевна, они же решили переделать весь музей». — «А ты как считаешь, Яромир, будет хорошо?» — «Хорошо». — «Ну, так пусть переделывают, и деньги найдем».

Нам было с Олегом Петровичем легче. Никто в космонавтике в музее не разбирался, мы избежали забалтыванья методических, ученых и художественных советов, на которых порой самые беспомощные оказывались самыми резкими критиками. Со стороны же директора я постоянно ощущал какую-то материнскую заботу. Она видела, что дело продвигается.

Новую экспозицию должны были по плану открыть 12 апреля 1983 года в День космонавтики. Яромир Николаевич поставил в известность директора, что мастерские живописно-оформительского комбината не успевают сделать необходимое оборудование, открыть новую экспозицию будет возможно лишь в день рождения города. «Только не говори об этом Овчинникову, а то он расстроится», — сказала она.

В день рождения города новая экспозиция была открыта. По традиции это событие отметили. Людмила Николаевна, обнявшись с летчиком-космонавтом Н. Рукавишниковым, распевала русские песни. Но вскоре после открытия все те же доброжелатели, мастера эпистолярного жанра, бросились строчить анонимные письма о приписках экскурсионных групп О. П. Мухину, о всяких должностных и финансовых нарушениях, без которых, по моему мнению, ничего путного в России не сделаешь... За

ними последовали комиссии. Все это директор переживала, хотя и отбилась от дотошных чиновников. Но, будучи человеком, в глубине души презиравшим эту мышиную возню, она вынуждена была выносить все это на обсуждение партбюро, профсоюза, собраний, на которых вставал очередной пустозвон-идеолог, давал нарушениям свою принципиальную оценку.

«Ты виноват и твой характер», — упрекала она меня в те дни.

Я глубоко убежден, что Людмила Николаевна была человеком аполитичным. Свидетель «Ленинградского дела» 1949 года, гонений на интеллигенцию в 1930-е и послевоенные годы, она, как историк, великолепно знала объективную оценку этих явлений, сама чудом спаслась от дамоклова меча революционных преобразований. Вот почему всегда бережно относилась в музее к вольнодумцам Боре Кирикову, Леве Лурье, Саше Марголису, к умному, безалаберному Саше Розову, Боре Аракчееву. Да, нынешний директор музея Борис Серафимович тоже был диссидентом. Наконец, к Юрию Динабургу, который познал, что такое лагеря.

Обо всем этом мы говорили с ней — я и Александр Еремеев — в одну из белых ночей на ее кухне в квартире на Васильевском острове в перестроечное горбачевское время. Относилась она к перестройке с грустной улыбкой, как ко многим экспериментам в российской жизни, выпавшим на ее долю.

И, когда я смотрел на эту непростую русскую женщину, с которой у меня складывались непростые отношения, уже не на директора, а на пенсионерку, вспомнил строки М. Ю. Лермонтова:

Так храм оставленный — все храм!
Кумир поверженный — Все Бог!

Л. Я. Лурье

Белова

Монументальная фигура Людмилы Николаевны Беловой, моющей пол на новой экспозиции, распекающей подчиненных, устраивающей их бытовые дела, хохочущей над музейным капутником, навсегда останется важнейшим воспоминанием нашей общей молодости.

Она напоминала большую русскую барыню — нечто среднее между капитаншей Мироновой из «Капитанской дочки» и старухой Хлестовой из «Горя от ума». Недаром сотрудники Петропавловской крепости с грустным юмором называли себя «крепостными». Но в Людмиле Николаевне присутствовали не только произвол и своеволие (хотя и их хватало), но и неожиданная для брежневско-романовского Ленинграда яркая индивидуальность. Она, вообще, скорее из романтического хрущевского десятилетия и похожа на таких титанов музейного дела, как Кучумов, Пушкарев и Артамонов.

Из ярких черт Людмилы Николаевны нужно выделить уважение к специалистам, терпимость к человеческому своеобразию и страсть к работе. Приняв Румянцевский особняк в 1954 году, она создала целую музейную империю, включавшую множество самых неожиданных экспозиций: краеведческий музей в Пушкине, Смольный собор и Орешек, а также такие шедевры, как архитектурная экспозиция в Инженерном доме, историческая — в Комендантском.

Именно при Беловой фонды музея увеличились до необычайности, что позволило думать о музее быта в «квартале 100». Во времена Беловой были спасены десятки тысяч объектов интерьера и архитектурных деталей, обреченных погибнуть в пору комплексного капитального ремонта.

Для нее персонами грата были и почитательница русского авангарда Алла Повелихина, и исследовательница боевой организации партии эсеров Маргарита Идельсон, и поклонница «Народной воли» Альдина Барабанова. Они получали свои небольшие музейные зарплаты именно за то, что занимались предметами, совершенно не вписывавшимися в номенклатуру идеологически правильных тем. Взлет ленинградского краеведения, начавшийся в 1970-е, напрямую связан с книгами, статьями, лекциями и экскурсиями музейных сотрудников. За широкой спиной Беловой скрывалась своеобразная афинская академия, где всякий интерес поощрялся и «расцветали сто цветов».

Белову не интересовали анкетные данные, недостаточная «скромность в быту», идеологическая невыдержанность и моральная нестойкость. Она терпела слабости, своеобычность, даже эксцентризм подчиненных. Однако экспозиция, срочная командировка в провинцию, справка для инстанции — работа, если она действительно считалась важной, должна была быть выполнена качественно и в срок.

Музей являлся «передовой линией идеологического фронта». Но защищенные крепостными стенами и авторитетом директора музейщики невольно сравнивали свое положение с коллегами в других гуманитарных учреждениях. И всегда в свою пользу.

Мир праху...

Г. П. Игнатьева

Памяти Л. Н. Беловой

Известно, что если памятник разрушается, его надо спасать, создавать музей, и Людмила Николаевна Белова первая бралась за дело. Тому примеров мы видели много. Так было и с Орешком. 17 февраля 1965 года исполкомы Ленинградских городского и областного советов приняли решение о присоединении Шлиссельбургской крепости в качестве филиала к Музею истории Ленинграда. С этого времени началась новая история крепости. В солнечный майский день 1965 года Людмила Николаевна, Алексей Николаевич Домецкий, заведующий новым филиалом, и только что принятые на работу научные сотрудники Валентин Андреевич Климов и я поехали в Орешек знакомиться с крепостью. Все понимали, что прежде всего нужно было обеспечить максимальную сохранность исторически сложившегося ансамбля и начать изучение богатейшей истории памятника. В связи с этим и были утверждены научные темы сотрудников: С. А. Казакова занималась изучением крепости как памятника архитектуры и фортификации XIV—XVIII веков, В. А. Климов разрабатывал военно-историческую тему, в том числе оборону Орешка в 1941—1943 годах. Я выбрала тему «Шлиссельбургская крепость — политическая тюрьма XVIII — начала XX века и ее узники». Началась плодотворная работа: изучение, исследование, реставрация, затем создание музейных экспозиций и включение их в экскурсии.

В те годы научные сотрудники были молоды и неопытны в музейном деле, но руководили работой настоящие мастера: во

главе филиала встал опытный музейщик и добрейший человек А. Н. Домецкий. Первые пять лет работы прошли под его началом, и эти годы стали крепким фундаментом для всей последующей деятельности научных сотрудников. Людмила Николаевна Белова с большим интересом отнеслась к крепости. Она досконально изучила Орешек, вникала в каждую деталь, в каждый вопрос. Понимая, как важны научные исследования для создания такого многопрофильного музея, делала все необходимое для научного освоения памятника и его реставрации, для успешной работы научных сотрудников, от которой зависит будущее филиала. Нам были предоставлены неограниченные возможности для работы в центральных исторических архивах в Москве, где хранятся документы по истории крепости. По инициативе Людмилы Николаевны был сформирован постоянно действующий консультационный совет, членами которого стали известные историки, архитекторы, художники, археологи. На заседаниях совета обсуждались вопросы реставрации и музеефикации крепости, и без его рекомендаций не принималось ни одно решение.

Большой удачей было назначение в 1968 году известного архитектора, опытного реставратора Василия Митрофановича Савкова руководителем группы архитекторов 9-й мастерской ЛенНИИпроекта, которая занималась воссозданием крепости. Под его руководством в 1972 году был разработан Генеральный план реставрации Орешка, утвержденный общим Ученым советом Музея и Государственной инспекции охраны памятников (ГИОП). Многочисленные совещания, широкое обсуждение, консультации специалистов, высокая квалификация архитекторов и научных сотрудников — все способствовало тому, что план был составлен научно обоснованно и правильно. Прошло уже более 30 лет с тех пор, а музей работает по этому плану, и в настоящее время вносятся только незначительные изменения и уточнения, генеральная линия остается прежней.

1984–1985 годы были особенно «урожайными» для Орешка: в Старой (Секретном доме) и в Новой (народовольческой) тюрьмах были представлены мемориальные экспозиции, рассказавшие об узниках XVIII–XIX веков. Этому предшествовала большая научная работа, и ни одна страница тематико-экспозиционных планов не оставалась без внимания Людмилы Николаевны, она внимательно читала все научные работы и делала свои, часто очень полезные, замечания.

9 мая 1985 года к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в крепости Орешек в торжественной обстановке был открыт мемориальный комплекс, посвященный героической обороне крепости в 1941–1943 годах (скульпторы Г. Д. Ястребенецкий, А. Г. Дема, художник-архитектор И. Д. Библибин). С тех пор прошло 20 лет, и по-прежнему посетители музея высоко оценивают художественное решение памятника.

В 2002 году в честь 300-летия победы петровских войск под Нотебургом имя «Орешек» присвоено малой планете в созвездии Кита, открытой астрономом Крымской Астрофизической обсерватории Л. В. Журавлевой.

В том, что и ныне крепость Орешек реставрируется, хранит историю побед русского оружия, принимает посетителей, есть заслуга и Л. Н. Беловой, понимавшей значение этого уникального памятника и много сделавшей для его сохранности еще в далекие 1970–1980-е годы.

Ю. Е. Галанина

В конце 1970-х годов

Почти четверть века назад началась работа над экспозицией Музея Александра Блока, в то время Государственным музеем истории Ленинграда руководила Людмила Николаевна Белова. Тогда я не могла себе представить, что когда-нибудь буду писать о ней воспоминания.

Знакомство с Л. Н. Беловой началось за год до того, как в 1978 году было принято официальное решение о создании Музея-квартиры А. Блока. В 1977 году у московского коллекционера Н. П. Ильина была приобретена непрофильная для ГМИЛ коллекция материалов, связанных с жизнью и творчеством поэта. Разбирать и описывать ее посчастливилось мне, ранее работавшей в Музее Ф. М. Достоевского, и чуть позднее Н. К. Цендровской, пришедшей из Музея-усадьбы «Приютино».

Вопрос о создании музея волновал нас чрезвычайно, а Белова на наши приставания отвечала: «Если не будет решения об открытии музея в квартире Блока, мы откроем Музей Блока в Петропавловской крепости, где он бывал на допросах царских министров». Нельзя сказать, чтобы этот вариант нас радовал, хотелось в музее представить, прежде всего, творчество поэта, более ранний период его деятельности, то, что было связано с Серебряным веком, а не только последние годы жизни, которые в то идеологизированное время можно было трактовать лишь в духе оптимистической темы «Блок — певец революции». В 1970-е годы, для того чтобы открыть первый музей поэта-символиста, нужно было, прежде всего, заявить о его преданности Октябрьской ре-

волюции, показать Блока-«революционера», автора поэмы «Двенадцать», примитивно понятой как политическое произведение. Ни о каком трагизме судьбы поэта, пережившего тяжелейший кризис разочарования в революции, отказавшегося писать стихи и скончавшегося «от нехватки воздуха» в новой социальной действительности, открыто говорить было невозможно.

Отношения наши с Л. Н. Беловой складывались далеко не идеально. Строптивость молодых научных сотрудников, пришедших из литературных музеев работать над созданием блоковской экспозиции в недрах исторического музея, каким был ГМИЛ того времени, очевидно, у Беловой также не могла вызывать симпатий. Стремление руководителя исторического музея вводить в каждый раздел литературной экспозиции материалы об исторической обстановке данного периода вызывали наше сопротивление.

Внешне Людмила Николаевна была похожа на Валькирию: представительная, величественная, полнотелая, но необычайно подвижная и деятельная, она налетала неожиданно, как ураган, разносила всех и вся и устремлялась дальше, оставляя в ушах почти осязаемые аккорды вагнеровской музыки.

Вероятно, Белова при всей своей идеологической правильности не могла не почувствовать даже в те годы, задолго до перестройки, что приближаются масштабные социальные изменения. Музей поэта привлекал к себе людей, многие хотели в нем работать, стремились помочь. Нашими непосредственными руководителями были О. А. Чеканова и А. В. Повелихина. В создание музея включились В. А. Витязева и А. М. Конечный. Выпускники университетского филфака мечтали работать в музее Блока. К нам приходили художники и актеры, предлагавшие свою помощь. Из Белоруссии несколько раз приезжала Е. Н. Макарова, когда-то бывавшая в квартире Блока, приходили знавшие поэта пожилые люди. Само существование в Ленинграде Музея А. Блока было своеобразным глотком свежего воздуха, помогавшим выстоять «в непогоду». Александр Блок был символом противостояния государственному тоталитаризму.

Понимала ли это Белова, сказать трудно. Согласно моим записям того времени, она искренне верила, что «если бы Блоку попался не философ Владимир Соловьев, а Чернышевский, то получился бы писатель не меньше Горького». Однако безусловно и то, что в первые годы существования музей привлекал вни-

мание не только широкой публики, но и высоких партийных кругов, его часто посещали приезжавшие в Ленинград члены правительства с семьями. О поэме «Двенадцать» знали все, но хотелось прочесть или услышать также и строки о России, Незнакомке, Снежной маске, Прекрасной Даме...

Белова хорошо понимала, что за создание всего нового надо расплачиваться уступками в идеологическом отношении, нам же, не связанным номенклатурным креслом и другими условностями, идти на эти уступки не хотелось, все это осложняло наши отношения. Она пользовалась доверием в городских партийных кругах и старалась этому доверию соответствовать. Не случайно создавать музей Блока поручили не одному из литературных музеев, а музеем истории Ленинграда, так как были уверены в идеологической чистоте того, что будет сделано под руководством Людмилы Николаевны.

Идеологически правильному человеку очень трудно уследить за теми изменениями, которые медленно, но неуклонно происходят даже в самом законсервированном обществе. Эти изменения чувствовали Чеканова и Повелихина, Белова же не всегда успевала уследить за ними, но принимала их безоговорочно. Как-то при обсуждении первого зала литературной экспозиции она взорвалась по поводу того, что мы хотели внести в экспозицию портрет и книгу В. С. Соловьева: «Что вы мне философа-идеалиста подсовываете!!! Мы делаем марксистско-ленинскую экспозицию!» Однако, услышав, что книги Соловьева переиздаются и печатаются работы о нем, она успокоилась и больше не сопротивлялась.

В ней был какой-то неизбывный романтизм старой комсомолки. Однажды, при обсуждении оформления музейного концертного зала, она мечтательно сказала: «Кресла будут с красной обивкой, постелем красную дорожку. А в центре поставим... красный рояль!» Мы обомлели от ужаса, но, наученные горьким опытом, знали, что возражать сейчас бесполезно. Надо, чтобы представление о том, что эта идея неудачна, само «созрело» в голове директора. И все же Н. К. Цендровская, не выдержав, в недоумении произнесла: «Господи, да что же можно будет играть на таком рояле?!» Мы «грохнули» от хохота и были выставлены из кабинета. Но, очевидно, и сама Людмила Николаевна поняла, что зашла слишком далеко — вопрос о красном рояле больше не вставал.

Музей Александра Блока был гордостью директора Петропавловской крепости. Ради него делалось невозможное: выбива-

лись не метры, а целые квартиры дополнительной площади (мотивировка по тем временам была «железной»: «Григорий Васильевич Романов [первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, член Политбюро ЦК КПСС. — Прим. ред.] ни за что не пойдет открывать музей, расположенный на черной лестнице!»), в Министерстве культуры утверждалась невероятно высокая стоимость изготовления сепийных фотокопий и т. д. Весь Музей был готов помогать нам. Как не вспомнить с благодарностью высказанные с намеком в те дни пожелания сотрудников: «У вас будет все хорошо, Блок с вами» или стихи вахтера:

Не волнуйся, Саша Блок,
Мы музей откроем в срок!

Людмила Николаевна Белова была хорошим руководителем, она обладала тонким чутьем и точно предугадывала то, что будет востребовано. Вероятно, за номенклатурной броней было скрыто сердце, способное чувствовать поэзию Блока. Несмотря на сложно складывавшиеся отношения, нас объединяло то, что она, безусловно, понимала и ценила: нам и ей выпала высокая честь — создавать первый в России музей великого поэта, первый в ту пору, в конце идеологических 1970-х годов, музей Серебряного века. Для того чтобы музей был открыт, Л. Н. Белова приложила большие усилия, и вклад ее в создание Музея-квартиры А. Блока невозможно переоценить.

В. И. Демидова

Музей на набережной реки Мойки

В январе 2004 года исполнилось 20 лет с тех пор, как был открыт музей «В. И. Ленин и газета “Правда”». За прошедшие годы многое изменилось не только в судьбе музея, но и в жизни людей и всей огромной страны.

Уже больше 10 лет нет Людмилы Николаевны Беловой — директора Государственного музея истории Ленинграда. Она создавала музей и более 30 лет руководила им. Уже нет и той страны, в которой она жила и работала, коренным образом изменилась идеология. Людмила Николаевна была наделена особым даром, позволявшим ей создавать новые музеи и экспозиции с большим потенциалом для их дальнейшего развития. Это очень помогло нам выжить в сложные 1990-е годы.

В ноябре 1983 года вышло решение Исполкома Ленгорсовета □ 728 о создании на набережной реки Мойки в доме □ 32/2 мемориального музея «В. И. Ленин и газета “Правда”». В типографии, которая находилась этом доме, с 4 марта по 5 июля 1917 года печаталась большевистская газета «Правда». Ее редактором был В. И. Ленин. Здесь вышли 99 номеров газеты и несколько выпусков первого журнала для женщин пролетарского сословия «Работница». Музей должны были открыть в очень сжатые сроки. Многие крупные музеи города под различными предлогами отказались от этой работы. Людмила Николаевна с присущим ей азартом, умением действовать в экстремальных условиях взялась и так организовала работу всего коллектива музея, что точно в срок — 26 января 1984 года первая очередь нового музея была открыта.

Естественно, этому предшествовала серьезная работа по сбору архивных материалов и экспонатов, восстановлению интерьеров, ведь в типографском флигеле долгие годы размещались различные организации, а бывший доходный дом был поделен на коммунальные квартиры. В результате трехлетней работы были открыты: экспозиция, посвященная истории издания газеты «Правда», зал типографии, где печаталась газета, и воссозданы интерьеры книжного магазина издательства «Сельский вестник». Все это в дальнейшем позволило нам создать целый издательско-типографский музейный комплекс на Мойке.

В 1991 году музей был преобразован в «Музей печати Санкт-Петербурга». Но в течение нескольких лет из-за отсутствия финансирования не удавалось провести реэкспозицию. Не закончена она и по сей день. В эти годы сотрудники филиала сделали акцент на выставочную работу. Они подготовили более 30 выставок, многие из которых вызвали широкий интерес у посетителей и получили благожелательные отзывы в прессе.

В декабре 1999 года произошел новый поворот в судьбе музея. Он был подчинен Центру музейной педагогики при ГМИСПб. Это позволило более широко использовать экспозицию музея, разработать тематические экскурсии для различных возрастных групп учащихся.

Так проходили дни за днями, складываясь в годы. И вот музею уже 20 лет! К сожалению, не все удалось воплотить в жизнь, но мы оптимисты, мы любим свою работу. Этому мы учились у Людмилы Николаевны Беловой, о которой в день ее 80-летия вспоминаем с большим теплом и уважением.

Т. М. Шмакова

Родом из ленинградской блокады

В биографии директора Государственного музея истории Ленинграда Людмилы Николаевны Беловой тема Великой Отечественной войны и обороны Ленинграда имела особое значение. Как и тысячи ленинградцев, первую блокадную зиму она провела в осажденном городе. Но немногим выпала исключительная миссия быть причастной к созданию в нашем городе главных мемориалов, посвященных 900-дневной эпопее Ленинграда. Людмила Николаевна стала одним из хранителей Вечного огня этой ПАМЯТИ.

В посвящении Беловой мне хотелось бы вспомнить о том, каким был ее путь, начавшийся с создания музейных экспозиций в павильонах Пискаревского мемориального кладбища в мае 1960 года и завершившийся возрождением Музея обороны Ленинграда в Соляном городке в сентябре 1989.

Подвиг защитников Ленинграда и горожан был отражен в уникальной выставке, торжественно открытой 30 апреля 1944 года. Она была преобразована в Музей обороны Ленинграда, официальное открытие которого состоялось 27 января 1946 года в Соляном городке. Всем казалось, что единственный в мире военный музей, созданный в период боевых действий Второй мировой войны, хранящий в своих фондах более 16 тысяч уникальных экспонатов, будет жить всегда, напоминая о потрясающем подвиге народа и армии, не имевшем аналогов во всей истории войн на Земле, но...

В 1949 году в связи с так называемым «Ленинградским делом» началось уничтожение собранных с большим трудом уникальных реликвий Великой Отечественной войны. В 1953 году в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР было принято решение о передаче Государственному музею истории

Ленинграда фондов, научно-вспомогательных материалов, научного архива и хозяйственного имущества ликвидированного Музея обороны Ленинграда.

В 1954 году директором Государственного музея истории Ленинграда стала Людмила Николаевна Белова. С ее назначением были связаны надежды на послевоенное возрождение Музея, фонды которого с 1938 года размещались в Особняке Румянцева на набережной Красного Флота. Именно ей, молодому руководителю, нужно было обобщить опыт предшественников и создать новый музей на основе уникальных коллекций. В апреле она переступила порог Румянцевского особняка. Организационный талант и энергия Беловой позволили в кратчайшее время решить сложные хозяйственные и творческие задачи. Уже в 1950-е годы появились первые экспозиции по истории города. Под руководством Людмилы Николаевны Беловой создавались экспозиции в музейных павильонах Пискаревского мемориального кладбища, торжественное открытие которого состоялось 9 мая 1960 года. Затем Белова и возглавляемый ею коллектив на основе богатейших фондов подготовили экспозицию «Ленинград в годы Великой Отечественной войны». Она была открыта в тринадцати залах Особняка Румянцева 27 января 1964 года к 20-летию снятия блокады. К ее созданию были привлечены авторы репрессированного Музея обороны Ленинграда. Около 2000 экспонатов поведали о незабываемой истории героической обороны города. С тех пор прошло 40 лет, а экспозиция в Особняке Румянцева остается самой полной, раскрывающей подвиг Города и его защитников в период войны.

В начале 1960-х годов принято решение о создании мемориала в честь защитников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны на площади Победы. Он должен был стать главным композиционным узлом Зеленого пояса Славы, протянувшегося по 200-километровой линии обороны Ленинграда. В течение 11 лет на суд горожан выносились десятки проектов, в разработке которых принимали участие лучшие творческие силы города. В 1974 году были определены победители конкурса: ими стали народные архитекторы СССР В. А. Каменский, С. Б. Сперанский, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии М. К. Аникушин. Научный коллектив, участвовавший в создании тематико-экспозиционного плана подземного Памятного зала, возглавили директор Музея истории Ленинграда Л. Н. Белова и заведующий военно-историческим сектором Музея А. М. Гондельсман. В него вошли также Л. А. Бориско — заведующая отделом «Ленинград за

годы Советской власти», научные сотрудники отдела И. И. Смирнов, Б. П. Ионов, А. М. Никитин, которые были участниками обороны Ленинграда. В период работы над экспозицией опять ярко проявился талант Людмилы Николаевны. Была представлена экспозиция, не имеющая аналогов в практике музейного строительства: в 12 витринах Памятного зала нужно было разместить подлинные экспонаты, наиболее полно запечатлевшие подвиг воинов и жителей города в суровые блокадные годы. Они должны были дополнить величественный мемориальный комплекс, созданный из бронзы, гранита и мрамора. Авторы ушли от традиционного хронологического принципа построения экспозиции. Экспонаты в витринах, каждая из которых несет определенную смысловую нагрузку, не имеют этикеток, но сила их воздействия настолько велика, что даже человеку, не много знающему об истории обороны Ленинграда, понятны героизм, трагедия и боль участников 900-дневной эпопеи. Витрины Памятного зала: «Ни шагу назад», «Все для фронта, все для победы», «125 блокадных грамм, с огнем и кровью пополам», «А музы не молчали», «Дорога жизни» и другие — стали овеществленной летописью подвига воинов и ленинградцев, прочтенного талантливыми создателями на принципиально другом уровне. Увековеченные на бронзовом фризе Памятного зала названия промышленных предприятий, работавших в годы блокады, и населенных пунктов, где проходили наиболее ожесточенные бои, карта «Героическая битва за Ленинград», кадры документальной кинохроники и Летопись героических дней блокады Ленинграда, отразившая хронику каждого блокадного дня с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года, — все это уникальные составляющие, которые делают экспозицию Памятного зала Монумен-та героическим защитникам Ленинграда значительным явлением в практике музейного строительства. Признание заслуг авторского коллектива, участвовавшего в создании экспозиции, было высоко оценено: в 1979 году Л. Н. Белова и А. М. Гондельсман были удостоены звания лауреата Государственной премии РСФСР.

Людмила Николаевна Белова была директором Государственного музея истории Ленинграда до 1987 года. После того как оставила этот пост, уже в 1989 году она возглавила Музей обороны Ленинграда и проработала в нем до 1993 года.

В этом году мы отмечаем 80-летие Людмилы Николаевны Беловой. Мы, кто работал с ней на протяжении многих лет, вспоминаем о ней с большим уважением. Ее уже нет, но остался Музей, которому ОНА посвятила всю свою жизнь.

Н. Д. Федотова

Несбывшиеся надежды...
Первый директор возрожденного музея

Начиная статью о Людмиле Николаевне Беловой, я хочу взглянуть в свое детство, поведав историю моего личного отношения и преклонения перед теми людьми, которые самоотверженно работали в Соляном городке.

Я вспоминаю, прежде всего, Николая Михайловича Суетина. В 1943 году он был главным художником выставки «Героическая оборона Ленинграда», располагавшейся на 1-й Красноармейской улице, 13, в 1944 году — Музея обороны Ленинграда на Гангутской улице, а в 1950-е годы — «Выставки достижений народного хозяйства» в Москве. И, конечно, моего отца, Дмитрия Ивановича Степанова, дружившего с Николаем Михайловичем и работавшего с ним на всех выставках не только в Ленинграде, но и в Москве. Шла весна 1949 года. Маленькой девочкой отец привел меня в Музей обороны Ленинграда. Сколько прошло лет, но я отчетливо помню, как бегала по пустынным залам, трогала экспонаты, как несколько раз забиралась в кабину настоящего самолета... А в это время отец и еще несколько людей снимали со стен свои рисунки, макеты, фотографии, укладывая их в коробки, а что-то просто рвали. Ощущение от неясности происшедшего у маленького ребенка было так велико, что я спросила: «А зачем вы это делаете?» На что отец мне сказал фразу, которую я запомнила на всю жизнь: «Будем живы — все снова нарисуем и восстановим, а сейчас не время. К сожалению, это уже больше никому не нужно». Я не понимала, что это было время

ликвидации музея. Тогда никто не мог представить, что я смогу принять участие в работе по возрождению Музея обороны Ленинграда в его «исторических стенах».

Прошло почти 40 лет. Нет уже в живых ни Суетина, ни Степанова, ни многих других, кто работал в Соляном... В начале 1988 года по Ленинградскому радио я услышала выступление писателя Геннадия Александровича Черкашина, который обратился к жителям города с инициативой воссоздать репрессированный Музей обороны Ленинграда. Я сразу написала ему. Мы встретились и познакомились. Так я снова оказалась в стенах Соляного городка.

Кстати, Суетин в 1950-е годы, став главным художником ВДНХ, пригласил отца на художественное оформление интерьеров одного из самых посещаемых павильонов, посвященного гидролизной промышленности СССР. Создатели ВДНХ не могли даже представить, что эту грандиозную выставку в Москве, как и Музей обороны Ленинграда, в 1990-е годы постигнет такой же печальный удел. Ликвидируют все экспонаты выставки. Многие из павильонов лишатся первоначальных интерьеров и превратятся в огромную барахолку с низкопробными товарами иностранных государств. От выставки, которой так гордился советский народ, не останется даже названия. Именно этого так боялась Людмила Николаевна Белова в конце 1980-х годов и постоянно говорила на совещаниях о недопустимости разрушения культурного наследия. «Наступает время рабов, а рабам не до культуры. Нельзя допустить в культуре отношения “купи — продай”!»

Людмила Николаевна, возглавив Музей обороны Ленинграда, имела богатейший опыт музейной работы. Ведь более тридцати лет ее жизненный путь был тесно связан с Музеем истории Ленинграда. Поэтому проблемы и заботы незаслуженно пострадавшего музея она с самого начала восприняла как свои собственные. Всегда сдержанная, строгая, требовательная к себе и подчиненным, она оставалась открытым, добрым и отзывчивым человеком. Предложение вместе работать имело для меня очень важное значение в моей дальнейшей трудовой деятельности.

Идея возрождения Музея возникла в конце 1980-х годов и, к счастью, не только оказалась близка многим ленинградцам, но и нашла понимание у городских руководителей. Фактическое возрождение музея связано с созданием группы содействия и организационного комитета, с многочисленными публикациями в прессе и выступлениями на телевидении. «Историческим» мож-

но назвать заседание Дзержинского райисполкома Ленинграда в феврале 1989 года, впервые поставившего на городском уровне вопросы, связанные с управлением и структурой еще не реабилитированного музея. Инициатором этой встречи стал председатель Дзержинского исполкома Олег Николаевич Горяинов. Состав этого заседания включал представителей и от городской администрации, и от оргкомитета по возрождению Музея. Были приглашены: Марта Петровна Мудрова, заместитель председателя по культуре; Игорь Алексеевич Глебов, академик, председатель оргкомитета по возрождению Музея обороны Ленинграда; Василий Павлович Петров, заслуженный архитектор РСФСР, профессор Художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой, в прошлом заместитель главного художника выставки, а затем и Музея обороны Ленинграда; Геннадий Александрович Черкашин, писатель, занимавшийся историей блокадного Ленинграда.

Одним из основных обсуждался вопрос о будущем директоре. Говорилось о необходимости найти такого человека, который хорошо разбирался бы в теоретических и практических вопросах, но при этом «чтоб не заважничал» в дальнейшем. На этом же заседании В. М. Петров предложил кандидатуру Л. Н. Беловой.

«По настоянию ленинградцев» Ленинградский горисполком постановлением от 24 апреля 1989 года принял решение о возрождении Государственного музея обороны Ленинграда. Уже 15 мая 1989 года на заседании президиума оргкомитета, проводившемся в Дзержинском райисполкоме, был окончательно решен вопрос о назначении Л. Н. Беловой на должность директора. Отзывы о Людмиле Николаевне были самые положительные: «высокий профессионал», «по природе устроительница музеев», «знает ситуацию в других музеях, особенно в Музее истории Ленинграда». Она же тогда сказала: «Согласна на любую работу». Такое лаконичное высказывание характеризует личные и профессиональные качества человека. В этот же день состоялось общее заседание оргкомитета в Соляном городке. Людмила Николаевна рассказала о работе по созданию Музея истории Ленинграда и о том, каким она видит музейное дело. Было принято решение о формировании штата, разработке научной концепции Музея обороны и блокады Ленинграда.

Через четырнадцать дней директор сообщила о том, что штат музея будет состоять из 12 человек (с июля месяца), о предоставлении денежной суммы «на оставшееся полугодие» в размере

62 тысяч рублей и трех тысяч «на хозяйственные приобретения». В Музей были приглашены главным хранителем В. П. Киви-сепп, заместителем директора Н. Д. Федотова, экскурсоводом И. А. Муравьева.

Кабинет Людмилы Николаевны Беловой находился на втором этаже одного из зданий Соляного городка, расположенного по Соляному переулку. Он представлял собой небольшую, узкую комнату, переоборудованную из раздевалок спортивного зала, принадлежавшего спортивной базе Военно-Морского Флота. Единственное окно выходило в небольшой двор-колодец, характерный для многих домов центральной части Петербурга. Около окна находился стол Людмилы Николаевны, всегда с множеством бумаг и книг, необходимых для работы. Рядом стоял мой рабочий стол. Так, в «тесном» сотрудничестве, мы проработали около четырех лет. Эти годы были сложными, напряженными, но интересными, полными энтузиазма и надежд.

Начинать работу было очень нелегко. Это было связано со множеством объективных и субъективных причин. Одна из них состояла в том, что обещания освободить площади для музея так и остались на бумаге. Экспозицию пришлось разместить в одном зале. Не перечислить правительственных и ведомственных инстанций, к кому обращались директор, главный хранитель фондов, я, как заместитель директора, сотрудники музея, председатель оргкомитета академик И. А. Глебов. Письма о положении в музее и многочисленные предложения по созданию музейно-выставочного и культурно-просветительского центра в Соляном городке адресовались Б. В. Гидаспову, Д. Т. Язову, Н. Н. Губенко, А. А. Собчаку и другим. К сожалению, многие обращения так и остались без ответа.

Музей, как и любая другая организация, требует определенной «внутренней» структуры. Были созданы отделы научно-просветительский, фондов, хозяйственный. Параллельно необходимо было благоустраивать служебные помещения для хранения фондовых собраний и работы сотрудников. Сложность заключалась в непригодности большинства небольших помещений для хранения музейных коллекций. Не хватало современного музейного оборудования. Для решения многочисленных проблем директору и сотрудникам приходилось рассчитывать только на свои силы. Помогал высокий авторитет Людмилы Николаевны. Ее имя было известно многим. Она умела дели-

катно погасить возникавшие разногласия и не обращать на них никакого внимания.

Одно из первых поручений, которое дала мне Людмила Николаевна, был сбор исторического материала по Соляному городку. Результаты этой работы использовались при создании документального фильма «Возрождение», демонстрация которого состоялась в январе 1991 года. Приходилось заниматься техническими вопросами, инженерно-строительной документацией. В этом трудностей не было, так как я чувствовала всегда поддержку директора. Иногда она не только корректировала составленные многочисленные отчеты и сметы, но и давала дельные советы. По некоторым возникавшим разногласиям, если считала их правильными, была настоятельной. Так в заботах по благоустройству помещений, поиску решений экспозиционного пространства, повседневных музейных хлопотах приближался 1990 год. На Новый год решили организовать костюмированный вечер, а елку украсить игрушками только военного периода. Пришел Черкашин и принес в подарок свою книгу «Кукла» о жизни девочки из блокадного Ленинграда.

Людмила Николаевна была человеком, четко представлявшим свою работу. Если она знала, что не сможет в полном объеме ее выполнить, могла об этом открыто сказать. Так случилось в конце 1990 года.

«Завтра приду позднее, — сказала мне Людмила Николаевна, — сейчас начало шестого, может, еще успею в парикмахерскую». Сутулясь, немного оправдываясь, что раньше времени приходится уходить с работы, вышла из кабинета.

На следующий день мне надо было быть по делам музея на Ленфильме. Не успела я пройти через проходную, как меня за руку схватил знакомый и возбужденно стал шептать: «Послушай, ты знаешь, что сейчас произошло в Смольном?! Людмилу Николаевну пригласили на президиум Ленинградского обкома партии. Все сидят. Во главе наш первый! [Г. В. Романов, 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС, член Политбюро ЦК КПСС. — Прим. ред.] Когда Белова вошла, он сказал: “Мы тут посовещались и решили после кончины Бориса Борисовича [Пиотровского. — Прим. ред.] предложить Вашу кандидатуру на должность директора Эрмитажа. Мы считаем, что Вы опытный директор с большим стажем и можете взять руководство на себя”. Ты представляешь, — жестикулируя, продолжал мой знакомый, — что было?!

Людмила Николаевна встала из-за стола и отчетливо громко произнесла: “Уважаемые коллеги! Скажите, что вы знаете об археологии?...А насколько тонко разбираетесь в живописи?” Наступило молчание. Затем Людмила Николаевна продолжила: “Так вот, ни в живописи, а тем более в археологии я не специалист и поэтому быть директором Эрмитажа не имею права”. Поглядев по сторонам, не дождавшись объявления решения, она гордо покинула заседание. Ты представляешь, так смог поступить человек, который много лет руководил одним из центральных музеев города и блестяще читал лекции по музееведению. Я учился у нее.

Придя в Музей обороны, я увидела директора сидящей в кабинете и что-то пишущей. Поздоровавшись, я спросила: «Людмила Николаевна, мне сегодня рассказали о Вашем визите в Смольный. Вам действительно сделали это предложение?» Она посмотрела на меня и сказала: «Наташа, почему нами руководят те, кто не знает сути нашей работы? Почему так много посредственности?» Первый раз она назвала меня только по имени. Больше мы к этой теме не возвращались.

Людмила Николаевна старалась прийти в музей за 15–20 минут до начала работы. При этом придерживалась мнения, что в конце дня «сверхурочная» деятельность, если только нет крайней необходимости, не нужна. Все запланированные на день дела должны быть выполнены в рабочее время. В обеденный перерыв она часто ходила в блинную, расположенную на Гагаринской улице [тогда улица Фурманова. — Прим. ред.]. Иногда там же покупала что-нибудь домой, «чтобы порадовать своих домашних», как она говорила. В эти годы с продуктами питания в магазинах начинались перебои, а вскоре, как и в блокадные годы, были введены карточки, вернее, талоны.

В начале 1993 года нас ожидало неприятное известие: как гром среди ясного неба — уход Людмилы Николаевны из музея. Многие, с кем она работала, были убеждены в том, что ее заставили написать заявление об уходе. Однако в Комитете по культуре это событие трактовали иначе. Так, бывший заместитель председателя по культуре Э. А. Филиппова в одном из интервью газете «Вечерний Петербург» так прокомментировала данное событие: «Директор сама написала заявление с просьбой об увольнении». Зампредседателя связала «недостаточно хорошую работу» Людмилы Николаевны с тем, что «все-таки возраст у нее уже не тот...»! И как может рассуждать человек, который, по собствен-

ному же определению, «не специалист и музейной работы не знает», о том, что концепции развития музея, предложенной директором на музейном совете Комитета по культуре, «нет». По мнению госпожи Филипповой, штаты музея «раздуты», а «большинство научных сотрудников такие же, как и Белова, пожилые люди», что «никуда не годится»! Как всем хорошо известно, у каждой медали две стороны. Работавшие сотрудники «пожилого возраста» были профессионалами, знающими и любящими свое дело специалистами. Они были своеобразной «музейной энциклопедией» для молодых коллег, что особенно важно в любой работе. К тому же Элеонора Анатольевна хотела «переориентировать» музей в «постоянно действующую выставку». Каждый специалист в музейном деле понимает существенную разницу в значении этих слов. После таких «мыслей вслух» никто не удивился приходу комиссии, направленной Комитетом, по «проверке» музея.

Людмила Николаевна тяжело переживала произошедшее. Она так мечтала, чтобы Соляной городок стал культурно-просветительным центром, включавшим не только Музей обороны и блокады Ленинграда, но и Гангутский мемориал, Пантелеймоновскую церковь, Художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомой и весь бывший комплекс зданий Всероссийской мануфактурной выставки, расположенный по набережной реки Фонтанки. После увольнения она часто приходила в Гангутский садик перед музеем и долго сидела на скамеечке, возможно, размышляя о том, что главного ей не дали сделать. Даже дома об этом не знали. После этого очень скоро ее не стало.

Прошло уже больше 10 лет. За это время произошли значительные перемены и в нашем городе, и в музее. Изменились не только взгляды, но и отношение к тем событиям. «Назад в будущее» — такой оказалась дорога музея к современному посетителю. И очень хорошо, что на одном из этапов этого пути Музей обороны и блокады Ленинграда возглавляла Людмила Николаевна Белова.

И. А. Муравьева, Н. П. Добротворский

У истоков возрождения

В 1988 году был создан Городской оргкомитет по возрождению Музея обороны и блокады Ленинграда, который возглавил Герой Социалистического Труда академик И. А. Глебов. В него вошли деятели науки и культуры, писатели, ветераны войны и блокадники. Вскоре ленинградские газеты запестрели призывными заголовками: «Возродим музей обороны Ленинграда!», «Музеем обороны быть!» На телевидении и радио шли передачи с участием ветеранов Ленинградской битвы, жителей блокадного города, писателей и художников, ученых и военнослужащих. Призывы воссоздать Музей обороны Ленинграда в Соляном городке всколыхнули общественность города. 24 апреля 1989 года исполком Ленгорсовета принял решение о возрождении Музея обороны в одном из залов Соляного городка — бывшем зале спортивного клуба Военно-морской базы.

По настоятельным просьбам членов оргкомитета директором Музея была назначена Людмила Николаевна Белова, которая в это время находилась уже на заслуженном отдыхе. Многие удивлялись ее решению возглавить музей, но Людмила Николаевна не побоялась трудностей, хотя знала, что все надо начинать сначала и ее ждет непочатый край работы.

Первыми помощниками нового директора стал главный хранитель В. П. Кивисепп и заместитель по хозяйству С. М. Лаптев. Кабинет директора был тесным и не очень уютным: стол, шкафы. Здесь Людмила Николаевна бывала редко. Почти все время она проводила в зале, на месте решая все вопросы с художника-

ми, научными сотрудниками и хозяйственниками. Если 24 апреля 1989 года — в день принятия решения Ленгорисполкома о возрождении Музея — новый музей не имел ни одного экспоната, то уже с 25 апреля в фонды потянулись блокадники и ветераны с семейными реликвиями; поисковики везли и несли находки с полей сражений.

За короткий срок Л. Н. Белова сумела собрать коллектив, хотя некоторые из тех, кто пришел в музей, были далеки от специфики его работы. Надо было налаживать учебу сотрудников. Дважды в месяц научные сотрудники собирались на занятия, организовывались экскурсии по местам боевых действий, встречи с ветеранами, проводились научные конференции. Душой всего этого были Людмила Николаевна и главный хранитель В. П. Кивисепп. Заветной мечтой Беловой было расширение площадей музея. В разные самые высокие инстанции отправлялись письма, однако добиться желаемого не удалось. Стало ясно, что экспозицию надо делать в одном-единственном зале.

С присущей энергией Людмила Николаевна принялась за работу. Под ее началом была подготовлена научная концепция музея, определены восемь главных направлений, которые необходимо было отразить в экспозиции и рассказать о боевых действиях на дальних подступах к Ленинграду, закончившихся полным разгромом вражеской группы армий «Север» в январе 1944 года.

Требования, предъявляемые к сотрудникам, были жесткими. Каждый разрабатывал определенный круг вопросов, составлял месячный план работы и регулярно за него отчитывался. Кроме того, сотрудники составляли картотеки боевых действий частей и соединений, участвовавших в ленинградской битве, хронику блокадных дней, собирали бесценные сведения о защитниках Ленинграда. Шла активная работа ученого и научно-методического советов.

Вместе с тем большое внимание уделялось сбору экспонатов. Практически все научные сотрудники разыскивали участников битвы за Ленинград, устанавливали связи, сотрудничали и с военными музеями школ, учреждений и предприятий. Эта работа велась под личным контролем директора и дала свои результаты. За короткий срок было собрано более тысячи экспонатов: предметы блокадного быта, документы, фотографии, личные вещи, оружие участников обороны и блокады города. Все это заняло достойное место в экспозиции Музея и на выставках.

8 сентября 1989 года Музей открылся на основе материалов других музеев, Союза художников, частных коллекций. Имя Людмилы Николаевны действовало магически и открывало фонды всех ленинградских музеев. Узнав, откуда пришли сотрудники с просьбами о предоставлении экспонатов для выставок, работники музеев поднимали глаза к небу, произносили: «Людмила Николаевна Белова!!!» — и предлагали наиболее интересные предметы и документы, а зачастую и сами передавали личные вещи и документы в фонды Музея обороны.

Первая выставка, открытая в возрожденном Музее, имела большой успех и называлась «Оборона и блокада Ленинграда в произведениях живописи, скульптуре, графике и плакатах». Посетителям были представлены работы, созданные в годы войны. Вскоре увидели свет и другие выставки: «50-летию “Боевого карандаша”», «Голос Ленинграда» (о работе Ленинградского радио в годы блокады), «Защитники ленинградского неба» и другие.

Это радовало Людмилу Николаевну, придавало ей силы и уверенность. Она была примером неутомимого трудолюбия, генератором идей, новых начинаний. Если кто-то из сотрудников придумывал что-то необычное, нестандартное, он всегда встречал понимание Людмилы Николаевны. Она никогда не отвергала никаких предложений в оформлении экспозиции и выставок, все принимала с пониманием. С ней можно было спорить. Если директор была не согласна с чем-либо, она всегда мягко и деликатно доказывала, что лучше сделать так, а не иначе.

Белова была непримирима к разгильдяйству, безответственности, не любила праздной болтовни, хотя за праздничным столом в коллективе могла рассказать забавную историю и от души посмеяться. Многие за глаза называли ее «мамания». Скромностью Беловой можно объяснить нежелание давать какие-либо интервью и выходить «на люди» в дни мероприятий. Обычно все приглашаемые в музей знаменитости считали за честь высказать ей свое глубочайшее почтение. Ее известность в городе была поистине велика.

Особенно внимательно Людмила Николаевна следила за массовой работой просветительского отдела: в 1989—1990 годах в стенах музея торжественно вручались знаки «Житель блокадного Ленинграда»; каждое воскресенье проходили встречи с участниками обороны Ленинграда, артистами фронтовых бригад, художниками, спортсменами и рабочими заводов, организовыва-

лись тематические вечера и циклы интересных встреч. С 1990 года стали проводиться научные конференции.

Коллектив любил своего директора. Белова была талантливым руководителем, добрым наставником, мудрым учителем.

Но у нее были и недоброжелатели. Сначала что-то не заладилось в коллективе. Оказалось, что некоторые сотрудники пришли сюда не по зову сердца и не имели представления о работе в музее, им она казалась рутинной. Людмила Николаевна всеми силами старалась сплотить коллектив, терпеливо учила молодых сотрудников. Но вскоре зачастили проверки. Пошли закулисные разговоры, а это никак не способствовало деловой, творческой обстановке.

В результате директор музея вынуждена была подать в отставку. Большая часть коллектива восприняла это с болью.

Пришел новый директор — бывший ученик Л. Н. Беловой. Сотрудники просили его оставить Людмилу Николаевну в качестве научного консультанта, но ответом было молчание: для него присутствие Беловой в Музее было нежелательно.

Людмила Николаевна почти каждый день приходила в садик напротив музея и в полном одиночестве высиживала там часами. Как-то, идя на работу, один из нас присел к ней и попробовал заговорить о музейных проблемах. Она слушала рассеянно, пыталась улыбаться, а на глазах были слезы. Вскоре пришла горькая весть о ее кончине.

Это была тяжелая утрата.

До сих пор ее помнят те, кто начинал с ней работать. Когда бывает трудно, мы думаем, как поступила бы Людмила Николаевна. Мы помним ее заветы: музейное дело не терпит суеты, оно требует вдумчивого и серьезного осмысления. По мере сил те, кто трудится ныне в Музее обороны и блокады Ленинграда, следуют этим заветам — заветам мудрого человека, знавшего основу нынешнего музея, человека высоких душевных качеств, выдающегося специалиста-музейщика, имя которого стало легендой в истории великого города.

В. И. Грибанов

Слово о Л. Н. Беловой

Мы хоронили Людмилу Николаевну Белову через несколько дней после расстрела Белого дома в Москве. Я думаю, что она не смогла пережить это событие, и оно стало последним, я бы сказал, катастрофическим разочарованием в ее жизни.

История города меня, как, наверное, очень многих, интересовала давно и сильно. Я работал тогда ночным сторожем одного из НИИ и занимался, ни много ни мало, историей Невского проспекта и, конечно же, частенько бывал в Петропавловской крепости, филиале Музея истории Ленинграда. Поэтому когда однажды заместитель председателя Исполкома Ленсовета, Наталья Григорьевна Елисеева, с сыном которой я был дружен, спросила, где бы я хотел работать, то у меня не было сомнений, и был назван Музей истории города. Через несколько дней мне передали, что в понедельник я должен приехать в здание бывшей гауптвахты Петропавловской крепости к директору музея Людмиле Николаевне Беловой. В понедельник я не смог, во вторник были тоже какие-то неотложные дела, короче, только в четверг, в конце рабочего дня, я переступил порог приемной директора музея. Я назвал свою фамилию и сказал, что меня просили прийти к директору. Секретарь доложила по телефону, и через несколько мгновений дверь кабинета распахнулась и в приемную вошла довольно высокая, седовласая женщина в очках, которые невероятным образом висели на самом кончике довольно крупного носа уткойой. Глядя поверх очков, она произнесла: «Ну, что же Вы? Мне сказали принять на работу, а я и адрес не запи-

сала и не знаю, где Вас искать!» В этой фразе, как потом понял я, была вся Людмила Николаевна — и дипломат, и чиновник, и ироничный человек.

Так я почти четверть века назад познакомился с Людмилой Николаевной Беловой и начал свою работу в музейном мире, за что благодарен и ей и, в первую очередь, Н. Г. Елисеевой. Нужно сказать, что в те времена музейный мир был закрытой корпоративной организацией и на работу в музеи попасть было трудно, а с улицы, без протекции, практически невозможно.

Я всегда впоследствии жалел, что мне не довелось поработать рядом с Беловой, в ее ближнем окружении. Это была колоссальная школа и профессиональная, и человеческая, и чиновничья. Белова как любая сильная личность была непредсказуема в своих реакциях. И, на мой взгляд, эта непредсказуемость была результатом противоречия, столкновения внутри нее большой человечности и полной преданности идеалам коммунистической партии. Порой мне казалось, что к последним она относится несколько формально или с большой скрытой иронией. Только она могла позволить, чтобы в музее работал бывший осужденный по политической статье. Но и ему, когда тот написал донос в профсоюзную организацию на своего коллегу, а затем пришел к Беловой просить, чтобы последнего не увольняли с работы, а именно такое решение принял профсоюз, она довольно резко сказала: «Как вы, отсидевший девять лет по доносу, смогли написать донос на другого?» И выгнала из кабинета.

Или другая история, которую я помню все шестнадцать лет своего директорства. Шло партийное собрание, а нас, экскурсоводов, считали работниками идеологического фронта и обязывали присутствовать на всех открытых собраниях коммунистов, даже если мы были беспартийные, и вели довольно строгий учет этих посещений. Не помню, какой хозяйственный вопрос обсуждался в этот раз, но из состояния дремы меня вывело выступление Беловой. Видимо, мнения коммунистов настолько разошлись с реальностью музейной жизни или интриги, которые всегда были и будут там, где собираются люди для работы, настолько вывели Людмилу Николаевну из себя, что она, взгромоздясь на трибуну, заявила: «Товарищи коммунисты! Хозяйство вести не мудями трясти!!!» Это было очень сильное потрясение. Дальше я не слушал. Я не мог тогда предположить, что пройдет лет шесть и мне придется тоже вести хозяйство, а не трясти одним местом, и я на практике пойму, насколько Бело-

ва-хозяйственник была сильна и мудра, хотя мы ее тогда именно за это критиковали.

Когда я стал директором «Смольного собора», она дала мне только один совет: «Никогда не подписывай ничего сразу, пусть полежит несколько дней». Ценность совета я оценил позднее и понял, что это была ее практика.

Белова любила смачное словцо и в период эмоционального возбуждения могла его употребить. На этом мудрая и опытная, как черепаха Тортила, и погорела. Когда началась перестройка, то проблемы сохранения памятников истории и культуры стали использоваться в политических целях. В этих же целях стали использовать и детей. Наезд на Белову был сильный, и однажды к ней пришли пятнадцатилетние борцы за сохранение памятников. И с ней, создавшей империю под названием «Музей истории Ленинграда», стали говорить непозволительным образом, она послала их очень далеко. У юных подонков в кармане работал диктофон. Участь Людмилы Николаевны была решена. Ее уволили. Вернее, проводили на пенсию. Мы выбрали, тогда это было модно, нового директора.

Империя под названием «Музей истории Ленинграда» рухнула.

Мы встречались с Беловой каждую среду на заседаниях Общества охраны памятников, и каждую среду от Воскресенской церкви, где проходили заседания, я провожал ее до станции метро «Чернышевская». Ее, ставшую директором музея в двадцать девять лет при Хрущеве (а мне тогда был ровно один год) и изгнанную при Горбачеве, я просил: «Людмила Николаевна, напишите мемуары». — «Да что Вы, — отшучивалась она, — я и писать-то не умею!»

Прошло года два, и мы снова провожали Белову на пенсию. Теперь уже с должности директора Музея обороны и блокады Ленинграда. Вспоминая эти проводы — актовый зал Комитета по культуре, три гвоздики, какие-то беспомощные слова Людмилы Николаевны о том, что она как бы нечаянно заболела, а так она вообще может еще работать, я всегда испытываю, как тогда в комитете, чувство неловкости и боли за Белову. В Музее обороны появился другой директор. От своего тестя, который работал в этом музее научным сотрудником, я узнал, что каждый день Людмила Николаевна ровно в десять приходит в скверик напротив музея и в своей облезлой беличьей шубе, купленной, видимо, в 1950-е годы, сидит до окончания рабочего дня, до

восемнадцать ноль-ноль. Директором Музея обороны стал человек, обязанный Беловой своей карьерой в музейном деле. Я встретился с ним и просил назначить Белову хотя бы председателем совета ветеранов музея, дать ей возможность работать, а следовательно, и жить.

Когда вспоминаю Людмилу Николаевну, я вижу Московский вокзал. Делегаты очередного съезда комсомола уезжают в Москву, среди них дочь Беловой — Надежда. Колонна движется к поезду. Звучит великолепный марш. Впереди колонны, высоко поднимая бедро, идет Людмила Николаевна, молодая, счастливая, точно такая же, как идущие за ней тридцатилетние делегаты съезда.

Хроника жизни Л. Н. Беловой

23 июля 1924 г. родилась в Ленинграде.

1941 г. Закончила 9-й класс средней школы. Во время Великой Отечественной войны вместе с семьей жила в блокированном Ленинграде, работала воспитательницей в детском саду № 16 Свердловского района.

1942 г. 8 сентября была эвакуирована с детьми детского сада № 16 в Красноярский край Хакасской автономной области в село Бея. Там с сентября 1942 г. по май 1945 работала воспитательницей Ленинградского детского интерната № 10/16.

За время пребывания в эвакуации закончила заочно историческое отделение Учительского института г. Абакана.

1945 г. Вернулась в Ленинград, работала научным сотрудником в Управлении по делам архитектуры Государственной инспекции по охране памятников.

1949 г. Инструктор отдела пропаганды в Куйбышевском райкоме ВКП(б).

1950 г. Заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Куйбышевского райкома ВКП(б).

В октябре этого же года заведующая сектором культуры и искусства в отделе пропаганды и агитации Ленинградского горкома ВКП(б).

1951 г. Закончила заочное отделение Государственного педагогического института им. М. Н. Покровского.

1952 г. Директор Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов.

Студентка заочного искусствоведческого отделения Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР.

1954–1957 гг. Аспирантка Театрального института им. А. Н. Островского.

1954–1987 гг. Директор Государственного музея истории Ленинграда.

1989–1993 гг. Директор Государственного музея обороны и блокады Ленинграда.

12 октября 1993 г. скончалась в Санкт-Петербурге. Похоронена на Богословском кладбище.

Правительственные награды Л. Н. Беловой

1957 г. Награждена медалью «За трудовое отличие».

1970 г. Награждена медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

1976 г. Награждена орденом Трудового Красного Знамени.

1978 г. Награждена медалью «В честь 100-летия освобождения Болгарии от Османского рабства».

1979 г. Постановлением Совета Министров РСФСР от 19 декабря № 622 присуждена Государственная премия РСФСР в области архитектуры за создание художественной экспозиции музея «Битва за Ленинград» в архитектурном комплексе «Монумент героическим защитникам Ленинграда» и вручен знак лауреата Государственной премии РСФСР.

1982 г. Занесена в Книгу Трудовой Славы Министерства культуры РСФСР.

1983 г. Занесена в Книгу Почета Министерства культуры РСФСР.

1986 г. Награждена орденом Ленина за заслуги в развитии советской культуры, литературы и искусства.

Приложение 1

Из воспоминаний Л. Н. Беловой*

Война началась, я только что закончила 9 кл. средней школы. Сколько бы ни прошло лет, десятилетий — забыть ужасную войну никогда (будет) невозможно. Ленинградцы, как все советские люди, пережили страшные, но полные легендарного героизма 900 дней и ночей. Фашистские головорезы, озлобленные невозможностью штурмом взять город, в котором оставалось 2,5 миллиона жителей, стали осуществлять свой варварский план уничтожения мирного населения, разрушения жилых домов путем варварских бомбежек и артиллерийских обстрелов.

До сих пор страшно вспомнить частые бомбежки и обстрелы в первые месяцы блокады, т. е. сентябрь — декабрь 1941 г. Артиллерийские обстрелы были ежедневно, а иногда и несколько раз в день. Воздушные бомбардировки и артиллерийские обстрелы были преднамеренной жестокостью, были направлены на уничтожение мирного населения. Каждый житель города: на работе, дома, ночью находился под постоянной угрозой смерти.

Как сейчас помню один из обстрелов жилого квартала на Гаванской ул. Васильевск[ого] острова (дом № 26), свидетелем которого я была. Это было в октябре м-це 1941 г. Начался обстрел района, о чем сообщило ленинградское радио, все жители нашего дома хотели укрыться в бомбоубежище, для этого нужно было пройти через двор. Но неожиданно над головами перебегающих двор разорвался снаряд. Рядом с нами оказались убитыми наши сверстники, мальчики 16—17 лет: Женя Фомин, Шура Филькин, Павла Букина ранило и оторвало пальцы левой руки. Страшно было смотреть на мертвые лица ребят, лужи крови, слышать плач детей и крики женщин.

Дом, в котором жила наша семья, фасадом выходил на Гаванскую ул., но наша квартира находилась в части дома, выходящей во двор. Однажды, в июле м-це вернувшись домой, мы чуть не

* Воспоминания Л. Н. Беловой печатаются без сокращений и изменений. Сохранены авторские подчеркивания. Для удобства чтения в прямых скобках приведены расшифровки некоторых слов. Орфография и пунктуация упорядочены.

лишились крова. Артиллерийский снаряд, на наше счастье, попал между III и IV этажом. Только после проверки специальной комиссией мы смогли жить в этой квартире. Необходимо обратить внимание, что во всех квартирах домов на В[асильевском] О[строве] отсутствовали стекла и даже оконные рамы — тоже результаты бесконечных обстрелов.

Я была также свидетелем разрушенных домов, когда приходилось бывать в других районах города. Например, чтобы навещать бабушку, я должна была ходить к Суворовскому пр. — ул. Красной Конницы. Проходила по ул. Пестеля. Навсегда сохранятся в памяти разрушенный дом на углу ул. Пестеля и Моховой ул. Также здесь же на небольшой ул. Пестеля был второй разрушенный дом. В районе были только 5–7 этажные дома, нет никаких заводов, военных учреждений, лишь находились сельскохозяй[ийственный] музей, Художествен[ное] у[чили]ще на Соляном пер., Театр[альный] ин[ститут], Летний сад за Фонтанкой, недалеко Ленинградский цирк и сплошные жилые дома вокруг.

Фашистские варвары не считались с международными конвенциями, запрещавшими уничтожение мирного населения, женщин и детей. Глумились над всеми нормами международного права.

Другие разрушенные дома, что очень хорошо запомнилось, это разрушенные на Международном (теперь Московском) пр. — угол 5-й Красноармейской.

Я не только была свидетелем частых бомбежек и артобстрелов, но и попадала в район непосредственного обстрела, когда некуда было укрыться, и только блокадная привычка, навыки давали возможность правильно ориентироваться.

Фашисты, стремясь нанести наибольший урон населению, приурочивали налеты и обстрелы к моментам оживленного движения на улице (перед началом работы, [в] конце рабочего дня). Все делалось, что[бы] вызвать человеческие жертвы. В октябре я была, можно сказать, участником разрушения авиабомбой жилого дома № 4 по ул. Уголя. В этот период я находилась в доме № 11 по Невскому пр. — почти напротив.

Трудно приходилось, когда брала сестру Нину из детсада, всегда в 5 час. веч. начинался обстрел Гаванской ул.

По Детской ул. в Гавани фашисты беспощадно, а главное регулярно, обстреливали, хотя на улице находились только детские учреждения — 5. Я тогда работала воспитателем детсада № 9. Мы не рисковали гулять на улице, на фасаде нашего детского сада до сих пор сохранились многочисленные следы осколков.

Последнее, что хотелось рассказать, момент эвакуации из Ленинграда в сентябре м-це 1942 — фашисты же знали, кого эвакуируют из Ленинграда — детей и женщин. Жестоко бомбили и обстреливали из пулемета фашистские самолеты.

Все эти факты говорят о человеконенавистнической политике, о намеренном уничтожении населения Ленинграда.

Вернувшись из эвакуации в Ленинград в конце 1945 г., я стала работать н/с [научным сотрудником] ГИОП.

Фрагмент черновой рукописи. [1965 г.]

Приложение 2

Характеристика Л. Н. Беловой

Белова Людмила Николаевна — самый молодой воспитатель интерната (д[ата] рожд[ения] 1924 г.). Выехала из Ленинграда с детьми 16 детсада Свердловского р[айо]на 8 сентября 1942 года в Красноярский край, село Бею Хакасской авт[ономной] области.

Член ВЛКСМ, а затем кандидат партии, Людмила Николаевна, несмотря на свою молодость, работала в старшей группе школьников и при добросовестном отношении к доверенному делу с работой справлялась. За время пребывания интерната в эвакуации поступила и закончила Учительский институт в гор. Абакане по историческому отделению заочно.

Дисциплинированная сама, много работала по поднятию дисциплины и успеваемости в учебе воспитанников своей группы, действуя личным примером. Тов. Белова вовлекла в комсомольскую организацию значительную часть подростков, чем способствовала поднятию дисциплины и сознательного отношения к своему поведению и учебе. Людмила Николаевна отмечена приказами по интернату, Бейскому РОНО за честное и добросовестное отношение к работе.

20 августа 1945 г. тов. Белова по возвращении интерната в Ленинград и устройства всех детей перешла на работу в школу преподавателем истории, продолжая учебу теперь в Педагогическом институте, по той же специальности.

1/IX 1945 г.

Круглая печать: Хакасская авт. обл. с. Бея Красноярского кр.
Детский интернат № 16/10

Директор интерната	(подпись неразборчива)
Завуч	Строганова

Краткие сведения об авторах

Людмила Алексеевна Аксенова — старший научный сотрудник отдела учета и хранения музейных предметов ГМИСПб в 1974–2003 гг.

Ирина Георгиевна Брусиловская — старший научный сотрудник отдела учета и хранения музейных предметов ГМИСПб

Галина Борисовна Васильева — ведущий научный сотрудник отдела учета и хранения музейных предметов ГМИСПб

Юлия Евгеньевна Галанина — старший научный сотрудник филиала ГМИСПб «Музей-квартира А. Блока»

Виктор Иванович Грибанов — директор Музея-заповедника «Ораниенбаум», сотрудник ГМИЛ в 1981–1990 гг.

Валентина Ивановна Демидова — ведущий научный сотрудник отдела «Центр музейной педагогики» ГМИСПб

Николай Петрович Добротворский — старший научный сотрудник Государственного музея обороны и блокады Ленинграда

Наталья Григорьевна Елисеева — заместитель председателя Ленгорисполкома с 1974 по 1986 г. Ныне председатель Правления Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества

Галина Петровна Игнатьева — заведующая научным отделом ГМИСПб «Шлиссельбургская крепость Орешек»

Марина Анатольевна Кондрашова — ведущий научный сотрудник отдела учета и хранения музейных предметов ГМИСПб

Тамара Петровна Кулешова — научный сотрудник службы учебного секретаря ГМИСПб

Лев Яковлевич Лурье — историк, публицист; научный сотрудник ГМИСПб с 1974 по 1992 г.

Александр Давидович Марголис — генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга–Ленинграда, сотрудник ГМИСПб в 1972–1990 гг. (1980–1990 — заведующий отделом истории города досоветского периода)

Ирина Александровна Муравьева — заведующая научно-экспозиционным отделом Государственного музея обороны и блокады Ленинграда

Борис Иванович Назарцев — заместитель директора Российского государственного исторического архива

Галина Юрьевна Никитенко — ведущий научный сотрудник отдела проектирования выставок и экспозиций ГМИСПб

Леонид Алексеевич Овчинников — заведующий сектором космонавтики и ракетной техники ГМИСПб

Галина Федоровна Урусова — главный специалист отдела культурно-исторического наследия Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга

Наталья Дмитриевна Федотова — заместитель директора Государственного музея обороны и блокады Ленинграда в 1989–1994 гг.

Ольга Александровна Чеканова — старший научный сотрудник отдела «Центр музейной педагогики» ГМИСПб

Татьяна Михайловна Шмакова — заведующая отделом ГМИСПб «Особняк Румянцева»

Содержание

От составителей.....	5
<i>Б. С. Аракчеев. К читателям.....</i>	6
<i>Б. С. Елисеева. Светлой памяти Людмилы Николаевны Беловой.....</i>	7
<i>В. И. Демидова, Г. Ф. Урусова. Три десятилетия на директорском посту.....</i>	9
<i>О. А. Чеканова. Воспоминания о Л. Н. Беловой.....</i>	15
<i>Т. П. Кулешова. Вместе с Л. Н. Беловой.....</i>	19
<i>Б. И. Назарцев. Уроки мастера.....</i>	21
<i>А. Д. Марголис. «Впереди, на лихом коне».....</i>	25
<i>Г. Ю. Никитенко. В память Л. Н. Беловой.....</i>	28
<i>Л. А. Аксенова. Судьбой дарованная встреча.....</i>	30
<i>И. Г. Брусиловская. «Я живу, пока я живу в музее».....</i>	36
<i>М. А. Кондрашова. Тридцать лет в каземате.....</i>	38
<i>Г. Б. Васильева. Вспоминая Л. Н. Белову.....</i>	42
<i>Л. А. Овчинников. У нас были непростые отношения.....</i>	45
<i>Л. Я. Лурье. Белова.....</i>	50
<i>Г. П. Игнатьева. Памяти Л. Н. Беловой.....</i>	52
<i>Ю. Е. Галанина. В конце 1970-х годов.....</i>	55
<i>В. И. Демидова. Музей на набережной реки Мойки.....</i>	59
<i>Т. М. Шмакова. Родом из ленинградской блокады.....</i>	61
<i>Н. Д. Федотова. Несбывшиеся надежды... Первый директор возрожденного музея.....</i>	64
<i>И. А. Муравьева, Н. П. Добротворский. У истоков возрождения.....</i>	71
<i>В. И. Грибанов. Слово о Л. Н. Беловой.....</i>	75
<i>Хроника жизни Л. Н. Беловой.....</i>	79
<i>Правительственные награды Л. Н. Беловой.....</i>	80
<i>Приложение: 1. Из воспоминаний Л. Н. Беловой.....</i>	81
<i>2. Характеристика Л. Н. Беловой.....</i>	84
<i>Краткие сведения об авторах.....</i>	85

**Учредитель альманаха «Труды Государственного музея истории
Санкт-Петербурга» — Государственный музей истории
Санкт-Петербурга**

Издательский орган музея — издательский отдел, т. 238-06-52

Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Выпуск IX

ВОСПОМИНАНИЯ О Л. Н. БЕЛОВОЙ

Издание подготовлено издательским отделом ГМИСПб
Редактор Л. Н. Коннова
Корректор О. Е. Юдина

Подписано к печати 14.07.2004. Формат 60×84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Уч. изд. л. 6,5. Тираж 500 экз. Заказ № 29.

Отпечатано в типографии СПбИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб, Петрозаводская ул., д. 7
тел. 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Когда Белова вошла, он (Г. В. Романов) сказал: «Мы тут посовещались и решили после кончины Бориса Борисовича (Пиотровского) предложить Вашу кандидатуру на должность директора Эрмитажа. Мы считаем, что Вы опытный директор с большим стажем и можете взять руководство на себя».

Людмила Николаевна встала из-за стола и отчетливо громко произнесла: «Уважаемые коллеги! Скажите, что вы знаете об археологии?... А насколько тонко разбираетесь в живописи?» Наступило молчание. Затем Людмила Николаевна продолжила: «Так вот, ни в живописи, а тем более в археологии я не специалист и поэтому быть директором Эрмитажа не имею права».

(Из воспоминаний Н. Д. Федотовой)

Я глубоко убежден, что Людмила Николаевна была человеком аполитичным. Свидетель «Ленинградского дела» 1949 года, гонимый на интеллигенцию в 1930-е и послевоенные годы, она, как историк, великолепно знала объективную оценку этих явлений, сама чудом спаслась от домоклова меча революционных преобразований. Вот почему всегда бережно относилась в музее к вольнодумцам Боре Кирикову, Леве Лурье, Саше Марголису, к умному, безалаберному Саше Розову, Боре Аракчееву. Да, нынешний директор музея Борис Серафимович тоже был диссидентом.

(Из воспоминаний Л. А. Овчинникова)

Людмила Николаевна почти каждый день приходила в садик напротив музея и в полном одиночестве высиживала там часами. Как-то, идя на работу, один из нас присел к ней и попробовал заговорить о музейных проблемах. Она слушала рассеянно, пыталась улыбаться, а на глазах были слезы. Вскоре пришла горькая весть о ее кончине.

(Из воспоминаний И. А. Муравьевой и Н. П. Добротворского)

Когда вспоминаю Людмилу Николаевну, я вижу Московский вокзал. Делегаты очередного съезда комсомола уезжают в Москву, среди них дочь Беловой — Надежда. Колонна движется к поезду. Звучит великолепный марш. Впереди колонны, высоко поднимая бедро, идет Людмила Николаевна, молодая, счастливая, точно такая же, как идущие за ней тридцатилетние делегаты съезда.

(Из воспоминаний В. И. Грибанова)